

НИКАКИХ
ЗАПРЕТНЫХ
ТЕМ

О Л Ь Г А

ВОЛОДАРСКАЯ

ДЕФИЛЕ НАД ПРОПАСТЬЮ

Ольга Геннадьевна Володарская

Дефиле над пропастью

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9430250

Володарская, Ольга. Дефиле над пропастью : [роман] : Эксмо; Москва;

2015

ISBN 978-5-699-79283-2

Аннотация

Коко и Алиса. Две эти женщины по-настоящему дружили, хотя принято думать, что женской дружбы не бывает. Дружили, несмотря на то что первая годилась второй в бабушки! Но дамы, молодая и зрелая, прекрасно ладили. И имели один общий титул – КОРОЛЕВА. Только Коко носила его много лет назад, а Алиса – сейчас: некогда самая знаменитая манекенщица Советского Союза помогла высокой нескладной девочке с кучей комплексов стать моделью и взойти на престол. А сама прозябала в забвении, пока некто вновь не посадил ее на трон...

Уже мертвую! Он убил Коко, сделал несколько ее портретов и разослал их в журналы. Чего он этим добивался? Хотел прославить Коко посмертно? Или жаждал славы сам? Алиса не знала. Но чувствовала: опасность угрожает и ей, нынешней королеве подиума...

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	22
Глава 3	38
Глава 4	48
Часть вторая	56
Глава 1	56
Глава 2	69
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Ольга Володарская

Дефиле над пропастью

© Володарская О., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Часть первая

Глава 1

Алиса

Высоченные каблуки, красная подошва.

Тонкие колготки телесного цвета. Их как будто нет.

Юбка-карандаш из замши. Облегает так, что видно, как играют мышцы бедер при ходьбе.

Короткое манто из щипаной норки. Выглядит скромно, но стоит запредельно.

Под ним обычная кашемировая водолазка. Кто не разбирается в хороших вещах, и не поймет, что эта скромная на вид вещица настолько солидна, что в ней не стыдно зайти в самый статусный ресторан Москвы.

Алиса приостановилась у витрины магазина, чтобы бросить взгляд на свое отражение...

Хороша! Волосы рассыпались по плечам так естественно, будто их растрепал ветер, а не стилист Стасик, что трудился над Алисиной прической часа два.

На лице никакой косметики, кроме блеска на губах. И все равно оно выразительно. Точеные скулы, длинный тонкий нос, глаза-вишни и черные надломленные брови. Если Али-

са убирала от природы золотистые волосы под платок и поворачивалась в профиль, то походила на Нефертити.

На одной рекламной фотосессии она именно ее и изображала. Причем так убедительно, что заказчик, выходец с Ближнего Востока, принял ее за свою и, когда их познакомили, обратился к Алисе по-арабски.

Когда она рассказала об этом бабушке, единственной близкой своей родственнице, та заметила, что в этом нет ничего удивительного. Ее отец, то есть прадед Алисы, оказывается, был ливийцем. Мать – русской. И дочь от этого смешанного брака унаследовала славянскую внешность. Ее дети также. А вот у внучки проявились арабские гены. Она единственная из родственников родилась черноглазой, густобрововой и носатой. О да! В детстве и даже юношестве на лице Алисы выделялся именно он – нос. Потом, когда она повзрослела, стала крупнее, он уже не бросался в глаза. Вот только комплекс остался...

Справиться с ним оказалось не так просто. Вот вроде бы ты симпатичная, у тебя шикарные волосы, удивительные глаза, губы пухлые, длинные ноги, осиная талия... А ты, когда смотришь на свое отражение, ничего этого не замечаешь. Один огромный нос! Он как будто тень на все достоинства отбрасывает, и они перестают быть заметными. По крайней мере для того, кто смотрится в зеркало.

Сама Алиса не справилась бы с этим комплексом. Но ей повезло. Она встретила человека, который вселил в нее уве-

ренность в собственной неотразимости. Это произошло девять лет назад. Алисе тогда едва исполнилось семнадцать. Она сидела в кафе большого торгового центра, пила зеленый чай и без аппетита ела пирожное. Это было ее любимое, миндальное. Обычно Алиса его уминала за обе щеки. Но в тот день аппетита не было из-за дурного настроения. Стоял апрель. До конца учебного года всего ничего. Потом выпускные экзамены, получение аттестата, выпускной...

А что дальше?

Алиса понятия не имела, что ей делать по окончании школы. В институт поступать? Но на бюджетное отделение она не попадет – знаний не хватит, а на платном учиться не сможет, поскольку бабушкиной пенсии и ее пособия по потере кормильца (мама погибла в аварии, а отец сгинул давным-давно) хватало только на самое необходимое. Любимое миндальное пирожное, к примеру, и чашку чая в заведении, в котором она на данный момент находилась, Алиса позволяла себе раз в месяц.

Значит, надо искать работу. Но кто ее возьмет на нормальное место? Мало того, что без образования, так еще и малолетка. Восемнадцать только в январе следующего года исполнится.

– У вас свободно? – услышала Алиса чуть хрипловатый женский голос и оторвалась от своих грустных мыслей.

Подняв глаза, она увидела элегантную пожилую женщину. Пожалуй, она была ровесницей Алисиной бабушки, ко-

торой перевалило за шестьдесят, но выглядела иначе. Да, те же морщины, седина в волосах, выдающая возраст пигментация на коже, вот только, даже несмотря на это, назвать женщину старушкой язык не поворачивался (семнадцатилетней Алисе женщины за сорок уже казались пожилыми). Это была дама солидных годов. Именно так, и никак иначе. Серебристые волосы собраны в высокую прическу, лицо подкрашено чуть-чуть, но все черты выделены, в ушах скромные сережки, но камни в них так сверкают, что ясно – это не просто стекло. Одетая женщина тоже неброско, но элегантно. Изумрудного цвета трикотажное платье по фигуре, на шее шарфик из шелка, на ногах ботильоны на устойчивых каблуках с кокетливой пряжкой, через руку перекинута светлое полупальто. А какая осанка! Бабушка обычно про тех, кто так спину держит, говорила – как лом проглотил. А Алисе нравилось, когда люди ровно спину держали. Сама она сутулилась, поскольку была очень высокой. Однако пожилая женщина, материализовавшаяся возле ее столика, была если и ниже, то ненамного.

– Так вы позволите мне сесть за ваш стол? – спросила она. – А то все заняты...

– Да, конечно, – выпалила Алиса, зачем-то схватив с соседнего стула свой рюкзак и переложив его на колени.

– Благодарю вас. – Женщина поставила на столик чашку с кофе. Черный, без сахара, но с корицей. Она пила только такой, как выяснилось потом. – У вас что-то случилось? –

спросила она, усевшись. Полупальто было аккуратно повешено на спинку освобожденного Алисой стула.

– Нет. Все нормально у меня.

– А почему тогда вы такая грустная? И едите плохо. Я обратила на вас внимание сразу, как вошла.

– Потому что я единственный грустный и плохо кушающий человек в этом заведении?

– Нет. Самый красивый.

Алиса едва не поперхнулась чаем.

– Какой? – переспросила она, поставив чашку на стол.

– Вы прекрасно расслышали, – улыбнулась женщина. – И если судить по вашей реакции, то вы не считаете себя красивой.

– Конечно, нет!

– Почему?

– У меня огромный нос!

– А у меня, как вы считаете?

– У вас очень красивый.

– Но он очень похож на ваш. – Она протянула руку, на которой поблескивало старинное кольцо из серебра. – Давайте знакомиться. Меня зовут Коко.

– Алиса. – Девушка пожала ладонь Коко. Она оказалась мягкой, но очень холодной. – А вас так в честь Шанель называли? – поинтересовалась Алиса.

– Это мое прозвище. Зовут же Викторией. Но сокращенное, Вика, как-то ко мне не прилипло. А вот Коко – да. Да,

хотела еще спросить у вас... Как вам мои уши? Не находите их слишком большими?

– Нет, – растерянно ответила Алиса.

– Но они же торчат.

– Да, немного, – вынуждена была согласиться Алиса. Коко оказалась лопухой. – Но это вас не портит. Я бы даже сказала, что вам идут именно такие уши.

– Вот видите. То, что мы считаем изъязном, может оказаться нашей изюминкой. – Коко отхлебнула кофе. Чашки она коснулась так аккуратно, что на ней не осталось следа помады. – И почему же грустит такая очаровательная девушка? Неужели из-за парня?

Алиса мотнула головой. А затем озвучила новой знакомой свои недавние мысли.

– Тут и думать нечего, вам нужно заняться модельным бизнесом, – уверенно заявила Коко, дослушав Алису. – У вас есть все данные, чтобы добиться успеха в мире фэшена. Неужели вы не думали об этом?

– Нет, – честно призналась Алиса. Да, она была высокая и худощавая, но не все же девушки подобного типа думают податься в модели.

– У меня есть друг-фотограф, хотите, я познакомлю вас? Он сделает вам портфолио совершенно бесплатно.

Алиса напряглась. Что еще за бесплатный сыр?

– Да вы не пугайтесь! – Коко похлопала Алису по руке. – Ни мне, ни моему другу ничего от вас не нужно. Ни денег,

ни сексуальных или любых других услуг. Я просто хочу вам помочь, а он выполнит мою просьбу, поскольку мы сто лет знакомы. Когда-то он снимал меня.

– Вы были моделью?

– Манекенщицей, – поправила Коко. – Тогда нас именно так называли.

– Мне кажется, я видела вас в журналах!

– Вряд ли. Я перестала работать еще до того, как вы появились на свет.

– Они и были выпущены еще до моего рождения. Их мама в молодости выписывала. И хранила. Она сама шила себе одежду и пользовалась выкройками оттуда. Я обожала в детстве листать журналы о моде.

– Значит, вас бессознательно тянуло в этот мир. Алиса, поверьте, вы сможете достичь успеха в качестве модели. У меня наметанный глаз. Так что... попробуйте?

Алиса не очень уверенно кивнула.

Спустя два дня она уже знакомилась с другом Коко, Васко, он был хорватом. Невысокий, упитанный, невероятно обаятельный человек с копной крашенных в каштановый цвет волос и причудливо выбритой бородкой, он очень старался выглядеть молодо. Алиса дала ему шестьдесят. Ему столько и было. Но Васко считал, что дать ему можно максимум сорок.

В Коко он был стопроцентно влюблен. Смотрел на нее как на высшее существо. Она была с ним ласкова. Но не более.

Поощрила за помощь Алисе поцелуем, и Вася (Виктория называла его именно так, на русский манер) принял этот «гонорар» с благодарностью. Когда-то он был очень востребован как фотограф. Но времена изменились, и для того, чтобы оставаться таким, мало просто хорошо снимать. Надо фонтанировать идеями, удивлять, даже шокировать. А Васко мог только лишь делать красивые снимки красивых людей, предметов, растений. Поэтому в последние годы снимал для каталогов.

Портфолио, что он сделал для Алисы, оказалось изумительным. Его оценили в первом же модельном агентстве, которое она посетила опять же с подачи Коко. Его держала давняя приятельница Виктории, тоже бывшая манекенщица Елена.

– Васко делал? – спросила она у Алисы, пролистав журнал. Та кивнула в ответ. – Отличные снимки. И вы на них превосходно выглядите. В жизни, впрочем, тоже неплохо. Вот только одеваетесь отвратительно. Но это поправимо. Над стилем обязательно поработать надо.

– А что с ним не так?

– Зачем вы красите волосы в черный цвет? А брови выщипываете?

– Мне кажется, так лучше.

– Вам кажется. Вернитесь к естественности. Вы от природы хороши. И не носите мешковатых штанов и грубых ботинок. Вам следует подчеркивать фигуру и демонстрировать

изящную ножку. Редко женщина вашего роста может похвастаться маленьким размером ступни, а у вас максимум тридцать восьмой.

– Тридцать семь с половиной...

– А о том, что необходимо перестать сутулиться, вы и без меня знаете.

– Так ты берешь ее? – вступила в разговор Коко, которая пришла на встречу вместе с Алисой, но все время помалкивала, держась в стороне.

– Да. Девочка перспективная, возьму.

Так Алиса попала в модельный бизнес.

Работать она начала, еще будучи школьницей. Поучаствовала в двух показах и одной фотосессии, заработала копейки, но и им была рада.

Настоящий успех к Алисе пришел спустя полтора года, когда ее сняли для обложки русского «Вог», а крупный косметический бренд заключил с ней долгосрочный контракт. Эти два события, произошедшие в один месяц, Алиса отметила с Коко. Купила бутылку шампанского «Мадам Клико» (раньше она не могла себе позволить его, а Виктория не пила ничего другого), корзину фруктов и отправилась в гости к своей крестной фее. О да, Алиса часто называла ее именно так, потому что, по сути, Коко сделала для нее то же, что и крестная Золушки, – помогла попасть на «бал». Причем не обладая волшебным даром и не ставя временных ограничений.

С тех пор это стало доброй традицией – отмечать важные события бутылочкой французского шампанского и фруктами. Коко их не ела, но обожала нюхать. И на стол в качестве украшения всегда ставила не цветы, а фрукты. Поэтому Алиса их и приносила в красивых корзинах.

Но сегодня она шла к Коко без гостинцев. И не потому, что нечего было отметить, как раз напротив, просто «фея» настояла на этом. Сказала: не покупай ничего, я должна поделиться с тобой чем-то очень важным, мне нужно сохранять трезвость ума и не отвлекаться на мелочи типа приятных запахов. О чем пойдет речь, Коко по телефону не сообщила. Сказала: все при встрече. И назначила ее на шесть вечера. Сейчас было уже пять минут седьмого, и Алиса очень торопилась, знала, как Виктория не любит непунктуальности. Сама она, как истинная королева, всегда была точна.

Алиса подошла к дому, в котором проживала Коко. То была сталинская высотка, очень престижная. Квартиру в ней Виктория получила благодаря своему поклоннику – члену правительства, с которым по молодости крутила роман. Этот пожилой человек обожал красивых барышень юного возраста, менял их довольно часто по причине того, что они быстро старились (а прелесть девичью, по его мнению, они теряли, разменяв третий десяток), но никого не обижал и на прощание одаривал чем-то ценным. Коко повезло больше остальных. Ей досталась квартира. Но она и задержалась в любовницах партийного бонзы дольше остальных. Он оставил Ко-

ко, когда ей стукнуло двадцать пять.

Алиса набрала на домофоне код квартиры и стала ждать, когда ей откроют. К ней тут же подошел мужик потрепанного вида – не бомж, но явно крепко попивающий. Хотя в данный момент от него алкоголем не пахло, но руки его потрясывались, видимо, с похмелья. Он протянул их к Алисе. Она вытащила из кармана сотенную купюру и сунула в ладонь пьяницы. Ей хотелось поскорее попасть в подъезд, чтоб отвязаться от него. Однако дверь оставалась закрытой. Коко с возрастом стала глуховатой, и если находилась, например, в ванной, где лилась вода, то не слышала звонков. К счастью, у Алисы имелся ключ от квартиры. Коко вручила его ей два года назад. Тогда она перенесла микроинсульт и крайне плохо себя чувствовала: была слаба, все больше лежала в кровати и ничего не ела. Алиса навещала ее каждый день. Даже отказалась от выгодного заграничного контракта, чтобы не терять этой возможности. Кроме Коко, у нее никого близкого не осталось – бабушка умерла в прошлом году. Когда женщина поправилась, ключ было решено оставить у Алисы.

Открыв дверь, она шмыгнула в подъезд. Консьерж тут же вскочил и бросился к Алисе. На вид ему было около тридцати. Молодой. До этого в доме консьержи были пенсионного возраста. Обоих Алиса знала. Этот, тридцатилетний, был новеньким, судя по всему.

– Добрый вечер, – поприветствовал Алису парень. – Разрешите представиться, Андрей. Вы из какой квартиры, могу

я узнать?

– Из восьмидесятой, – бросила Алиса на ходу. Она опаздывала и тратить время на объяснения, кем она приходится хозяйке этой квартиры, не собиралась.

– Вы внучка Виктории Андреевны?

Алиса в ответ кивнула и вошла в лифт. Пока поднималась, рылась в сумке. Сегодня это была вместительная котомка от «Гуччи», в ней небольшие предметы терялись. Наконец Алиса нащупала бархатную коробочку размером со спичечный коробок. В ней лежало кольцо. На вид довольно простое, изготовленное из серебра, с тусклым зеленым камнем. Кто не разбирался в антиквариате, оценил бы его максимум в тысячу. На самом же деле оно стоило пять. И не рублей, а долларов. Старинная вещь. С историей. Коко его подарил первый муж, а ему оно досталось в наследство от матери, которая в свою очередь получила его в качестве презента от грузинского князя, родственника Нины Чавчавадзе, жены Грибоедова, коей оно и принадлежало когда-то.

Коко очень им дорожила. Хотя носила редко – не ее стиль. Как-то Елена, та самая хозяйка модельного агентства, предложила подруге продать его ей. Но Коко отказалась, хотя та давала хорошие деньги, а в них Виктория последние годы нуждалась. Перестав сниматься в сорок, она больше не работала. Ее содержали мужья. Но последний, четвертый по счету, скоропостижно скончался десять лет назад. Все, что он нажил, досталось его детям от первого брака. Коко – лишь

украшения, что он дарил ей. Благо таковых было немало, и она, продавая их, могла вполне сносно существовать. Надо сказать, запросы Коко были довольно скромны, хоть и не скудны. Она хорошо питалась, исправно платила за квартиру, покупала необходимые мелочи, посещала кофейни, ездила на такси, поскольку презирала метро, и раз в году летала к морю.

Алиса несколько раз спрашивала у Коко, не нуждается ли она в финансовой помощи, и та всегда отвечала отрицательно. Однако позавчера, зайдя в антикварную лавку, Алиса увидела на витрине ТО САМОЕ кольцо! Серебряное, с тусклым зеленым камнем. Алиса сомневалась, что существует другое такое. Значит, Коко сдала его. Но почему? Ответ напрашивается один: нуждалась в деньгах. Но что ей мешало продать его подруге? Не хотела видеть дорогую для себя вещь на руке другой, чтобы не расстраиваться? Или же не желала, чтобы кто-то знал о ее финансовых проблемах? А потом еще этот звонок и приглашение для серьезного разговора...

Алиса купила ТО кольцо. Чтобы вернуть его Коко. И пусть только попробует не взять...

Сунув коробочку в карман, Алиса вышла из лифта. Дверь в квартиру Коко находилась как раз напротив. Она надавила на звонок. Но ей опять не открыли. Пришлось отпираться самой.

– Коко, это я! – прокричала Алиса, зайдя в квартиру.

В прихожей света не было, она включила его и стала разуваться.

Квартира у Коко была просторной, хоть и двухкомнатной. Алисе она нравилась. Даже то, что последний раз она ремонтировалась двадцать лет назад, ее не смущало. Да, дизайн устарел, обои и паркет вытерлись, оконные рамы рассохлись, и когда на улице дули ветра, в квартире было прохладно. Но все это мелочи. С ними можно было легко мириться. Главное – это энергетика. А она в квартире Коко была удивительно приятной.

Алиса сунула ноги в мягкие тапки и пошлепала в комнату, где горел свет и звучала рекламная музыка. Из ванной шума воды не доносилось, значит, Коко не там. Наверняка задремала перед телевизором, вот и не слышала звонков. Такое тоже с ней случалось.

Алиса толкнула дверь и вошла в комнату.

Оба окна зашторены. Портьеры тяжелые, велюровые, с бахромой. Мебель в викторианском стиле. Не антикварная, а сделанная на заказ по эскизам самой Коко. На стенах картины в золоченых рамах. Опять же не имеющие ценности, но дорогие сердцу хозяйки, их писал ее второй муж. Элена любила говорить, оказываясь в этой комнате, что в ней пахнет нафталином. И предпочитала сидеть с хозяйкой в более-менее современной кухне. Или в простенькой светлой спальне. А вот Алисе нравился именно этот «викторианский» зал.

Обычно они с Коко усаживались в кресла, между которыми стоял журнальный столик – на него они ставили шампанское и фрукты. Реже – на диван. Это когда в квартире было прохладно и хозяйка заматывалась в плед. И никогда Алиса не видела, чтобы Коко сидела на стуле. К слову, единственном. Он больше напоминал трон и был подарен Виктории Васко и Эленой на день рождения. Стоил он дорого, поэтому друзьям пришлось скинуться. Коко сделала вид, что от презента в восторге, хотя он ей категорически не нравился. Жесткий, неудобный, громоздкий. Одно достоинство – старинный. Елена считала, что уже это делало его идеальным подарком. А Васко давно мысленно короновал Викторию, поэтому посчитал таковым стул, похожий на трон.

Сейчас Коко восседала на нем!

Грациозная поза. Красивая одежда. В высокой причёске – испанский гребень. Губы ярко покрашены. Коко будто позировала невидимому фотографу.

Алиса сделала шаг по направлению к Виктории, но тут же отпрянула...

Глаза!

Они безжизненны...

В них пустота.

Коко мертва?

Нет, это невозможно! Покойники не сидят с прямой спиной, закинув ногу на ногу. Не держат голову ровно и не скрещивают пальцы опущенных на подлокотники рук на коле-

нях.

Вдруг...

Голова Коко резко опустилась на грудь. И все тело накренилось.

Алиса увидела, что к спинке кресла приделан металлический полукруг. Благодаря ему голова и держалась – он обхватывал шею, но ослабился.

Все сомнения отпали... Коко мертва! Алиса стала шарить глазами по ее телу в поисках ран. Но не нашла их. Естественная смерть? Возможно. Вот только кто усадил покойницу на трон, задействовав нехитрые приспособления, позволяющие ей восседать на нем красиво? А главное – зачем?

...За Алисиной спиной послышались шаги. Тихие-тихие. Если бы по телевизору по-прежнему показывали рекламу, она бы не услышала их. Но ее сменил старый фильм с обилием немых сцен.

Шаги приближались. Алиса внутренне сжималась, пока не превратилась в маленькое дрожащее от страха существо. В ее сумке не было ничего, что можно было бы применить для защиты, – шокера или баллончика с газом. Даже маникюрных ножниц, щипчиков, пилки для ногтей, лака для волос, дезодоранта с пульверизатором, духов. Сапожки на шпильке и те в прихожей остались. А то можно было бы ткнуть каблуком в голень.

Немая сцена закончилась. Герои фильма начали диалог. Их голоса заглушили шаги.

Страх парализовал Алису. Она всегда терялась в экстремальных ситуациях, а в такой опасной ей еще не приходилось оказываться. А тут еще металлический полукруг, обхватывающий руку Коко, чтобы удержать ее на подлокотнике, расслабился, и она разогнулась. Тело накренилось. На мгновение Алисе показалось, что мертвая Виктория собирается встать. Как зомби в фильмах ужасов.

Представив эту кошмарную сцену, Алиса почувствовала себя дурно. Ее затошнило. В глазах стало темно. Она ни разу в жизни не теряла сознания, поэтому не поняла, что именно сейчас произойдет с ней. В следующую секунду она без чувств рухнула на пол...

Глава 2

Васко

Он стоял перед зеркалом и смотрел на свое отражение. Вид усталый. И какой-то потрепанный. Хотя борода в идеальном состоянии, как и волосы. Салон он посетил только позавчера.

Достав из ящика трюмо баночку с кремом, Васко открыл крышку и зачерпнул пальцем немного так называемой сыворотки мгновенной красоты. Стоила она космически дорого, была гормональной, а значит, вызывала привыкание, поэтому пользовался он ей в крайних случаях. Перед особенно важными выходами в свет наносил на лицо и шею. Кожа мгновенно подтягивалась и начинала сиять. Эффект длился несколько часов – от трех до пяти. А если следить за лицом, не хмуриться, широко не улыбаться, то и шесть, семь. Почти все возрастные люди сидели на подобных сыворотках. Даже те, кто уже делал пластику. Та же Елена. Именно она порекомендовала чудо-крем своим друзьям – Васко и Коко. Но последняя, испробовав его, осталась недовольна. Сказала: это все равно что клеим лицо намазать. И продолжала пользоваться любимым кремом «Балет».

Васко начал втирать сыворотку в лицо. Шею сегодня мазать не будет из экономии. Ее можно шелковым платком обмотать, и морщин не будет видно. А дряблый подбородок от-

лично замаскирован бородой. Не зря он все же ее отрастил!

Васко приехал в Советский Союз из Югославии в семидесятых. Тогда он был молод, строен, подвижен и невероятно хорош собой: каштановые кудри, ореховые глаза, белозубая улыбка от уха до уха. В Москве он учился в Институте физической культуры и спорта. Участвовал в соревнованиях по легкой атлетике. Чтобы заработать на жизнь, тренировал детишек. И все успевал! В том числе крутить сразу несколько романов.

Когда Васко учился на третьем курсе, его пригласили поучаствовать в фотосъемке для журнала мод, продемонстрировать спортивную одежду. Никого не смутило, что Васко был невысок. Главное, гармонично сложен и симпатичен. Вот только девушка, участвовавшая в съемке вместе с ним, не обрадовалась. Она была выше парня на полголовы. И требовала, чтоб его ставили на табурет перед тем, как сделать кадр. Однако ей это не помешало отдаться Васко сразу после съемок в тесной примерке.

Девушку звали Эленой, и она стала добрым его другом. Но не сразу...

До этого она пребывала в статусе его врага.

А еще ранее – невесты.

Она была невероятно хороша собой. Настоящая нордическая красавица: высокая, тонкокостная, белокожая, с гривой пепельно-русых волос, голубыми глазами, точеными чертами чуть суховатого лица. Пожалуй, родись она несколькими

десятилетиями ранее и не в Советском Союзе, а в Германии, откуда пошли ее корни, именно Элену бы признали воплощением истинной арийки и сделали звездой. Васко хорошо представлял ее на пропагандистском плакате времен Третьего рейха: в форме офицера СС, с гладко зачесанными волосами, пронзительными глазами, смотрящими вдаль, и поднятой в приветственном жесте рукой. В Стране же Советов типаж Элены не был так востребован. Манекенщицы были крепче, пониже, порумянее. Больше ценились улыбочивые шатенки с кругленькими лицами. Поэтому у Элены было не так много работы. Но поскольку она в деньгах не особо нуждалась, так как ее мама была главбухом крупного универмага, девушка снималась и выходила на подиум скорее для удовольствия.

Она влюбилась в Васко с первого взгляда. А вела себя с ним на фотосессии не лучшим образом, потому что растерялась. До этого никто так не трогал ее сердце. Да, у нее были мужчины, и все они ей нравились, но не до дрожи в коленях. Последним ее избранником был сын известного режиссера, мэтра, сам учащийся во ВГИКЕ. За него Элена не прочь была выйти замуж. Потому что достойная партия. Да и сам по себе интересный человек, к тому же красавец. Жгучий брюнет ростом под два метра. Вместе они смотрелись изумительно. Не то что с Васко, которому под ноги надо табурет подставлять...

Элена прислушивалась к голосу разума ровно три часа,

пока длился съемочный процесс. Но когда они с Васко остались одни и он скорее из баловства, а не из желания возбудить, стал пошлепывать ее по попе, Элена вдруг поняла, что нестерпимо хочет этого маленького югослава. А так как Васко отлично считывал посылаемые женщинами сигналы, то перешел к более интимным ласкам и страстным поцелуям, после чего молодые люди занялись сексом.

Он думал, что этим все и закончится. Но нет! Элена позвонила ему через два дня, пригласила на пикник к себе на дачу. Васко согласился, он любил выезды на природу. Думал, поедут в какую-нибудь деревеньку, где разместятся в избушке, нажарят шашлычков на кирпичках, выпьют самогона. А оказалось – едут они в Барвиху. В двухэтажный дом с камином. Во дворе – беседка, мангал. В баре куча бутылок с виски, джином, мартини.

– У тебя что, папа член политбюро? – обалдело спросил Васко, совершив экскурсию по дому и участку.

– У меня его нет вообще, – улыбнулась Элена. – Мама родила меня вне брака.

– А кто она? Космонавт? Кинозвезда? Чемпионка мира?

– Нет, она бухгалтер.

Тогда Васко решил, что девушка обманывает. И либо дача не принадлежит ее семье, либо кто-то из родителей Элены является большой шишкой, но она не хочет это афишировать. Пробыв в Москве три года, он понял, что в этом городе богато живут не только члены политбюро, министры, свети-

ла, знаменитости, но и торговые работники высшего звена. Завмаги, крупные снабженцы, начальники складов. Но бухгалтеры, пусть и главные, на такие дачи не зарабатывали.

Они тогда отлично провели выходные. И решили, что, пока не наступила глубокая осень, будут ездить за город при любой возможности. Получилось где-то раз в пять дней. Когда пошли дожди, они все равно отправлялись на дачу. И ходили в старых плащах болонья и резиновых сапогах по лесу, собирая грибы. Елена научила Васко отличать сыроежки от поганок, а также видеть разницу между опятами и их ложными собратьями. Потом они вместе перебирали трофеи, принесенные с тихой охоты, мыли их, резали, жарили с картошкой и луком, а затем поедали под ледяную водочку и хрустящие огурчики, что изумительно маринует бабка, живущая в доме возле остановки.

Васко привязался к Элене. С ним она была ласкова, податлива, тепла. Но лишь наедине. На людях же демонстрировала холодность, держалась на расстоянии, даже в том случае, если они приходили вместе. Васко был иным. Если эмоции, то через край. Смех захлеб. Слезы до надрыва души. Возмущение, протест, неприятие – искры летят! Любовь – так чтоб умереть не жалко за этого человека...

Вот только Элена этих чувств в Васко не вызывала. Ему с ней было приятно. Даже то, что она своей холодностью гасила его вспышки темперамента, со временем стало казаться положительным моментом. Он – плюс. Она – минус. Проти-

воположности притягиваются. Два по-разному заряженных магнита прилипают друг к другу так, что не рассоединишь. Он уже стал подумывать о том, что Елена, возможно, та женщина, ради которой можно оставить остальных, как произошло непредвиденное...

Васко, обзаведшийся старой-престарой «Волгой», подъехал к ЦУМу, чтобы забрать Элену после показа. Она вышла из магазина не одна, а в компании двух подруг-манекенщиц. Три грации проследовали к машине. Забрались в салон. Елена села вперед, ее приятельницы – на заднее сиденье. Васко бросил взгляд в зеркало и обомлел. Позади него сидела фея. Все три девушки были прекрасны. Объективно самой сногшибательной являлась его избранница, но почему-то взгляд остановился на лице другой. Она сидела позади Васко. Широкие скулы, узкий подбородок, длинный тонкий нос, огромные глаза и оттопыренные уши. Девушка напоминала летучую мышь.

– Познакомь нас, – попросил Васко.

– Лена, Вика, – представила подруг Елена. – А имя моего парня вы, девочки, знаете.

– Вика – это сокращенно от какого имени? – поинтересовался Васко, поймав взгляд «летучей мыши» в зеркале.

– Виктория, – ответила ему та.

– Это означает «победа»!

– Точно. Вот только сегодня я позорно проиграла. Меня столкнула с подиума одна овца!

– Овца? – переспросил Васко. Он знал, что это животное, и не мог представить его на подиуме.

– Да! – горячо выкрикнула Виктория. – Шла, будто не замечая, что я делаю разворот. Налетела на меня, и я потеряла равновесие...

– Свалилась в зрительный зал, – грустно констатировала Лена, упитанная, очень приятная брюнетка с глазами-вишнями. – Под ноги публики. Теперь точно на следующий показ не пригласят.

– Пригласят, – фыркнула Вика. – Овца – любовница режиссера показа. Захочет еще раз меня опустить. Но тут уж я буду настороже.

– Что ты ей сделала такого, что она тебе мстит? – спросила Елена.

– Мужика увела. Причем неосознанно. Работали вместе на показе. Модельер со мной заигрывал чаще, чем с остальными. Потом на шампанское пригласил. Я не отказалась, как-никак мое любимое – «Мадам Клико». Ну выпили. А тут в гримерку эта овца врывается и давай на меня налетать. Оказалось, она с кутюрье в отношениях. А кто бы мог подумать? Ей двадцать, ему шестьдесят!

– И что потом? – живо поинтересовалась Лена.

– Инцидент вроде замяли, но дедушка от меня не отстал. Писал, звонил, хотел музой своей сделать. В итоге его пассивности надоело это, она ушла от кутюрье к режиссеру, но зло затаила.

– И что в тебе мужики находят? – фыркнула Лена.

Виктория равнодушно пожала плечами.

– Почему ты отказалась стать музой кутюрье? – спросила Элена, обернувшись.

– Так я его не только вдохновлять должна была, но и в постели обслуживать.

– Ясное дело. Но много ли надо старичку? Потерпела бы, ничего страшного.

– Нет, это не по мне. Я сплю только с теми, кто мне нравится. Это мой принцип.

Тогда она не солгала. На протяжении всей жизни Коко (это прозвище приклеилось к ней чуть позже благодаря ее первому мужу-фотографу) следовала своему принципу. Даже когда ее любовником стал член политбюро и все решили, что она отказалась от него, это было не так. Бонза был хоть и в возрасте, но привлекал Коко. Ей нравились его сильные руки, умные глаза и волевой характер.

В тот день Васко не остался у Элены. Он поехал к дому, у которого высадил Викторию, и простоял возле подъезда часа два в надежде, что девушка покажется в окне, и он узнает, в какой квартире она обитает. Так и не выяснив этого, он уехал. Но вернулся спустя день. Он караулил Викторию до тех пор, пока она не показалась ему на глаза. Тогда он подкатил к ней и предложил подвезти, наврав, что оказался возле ее дома случайно.

Днем, без макияжа, она показалась Васко еще красивее.

Такая естественная, нежная. Ему хотелось распуścić ее собранные в «вал» волосы, зарыться в них и замереть, наслаждаясь моментом близости.

– Ты чего на меня так смотришь, Вася? – удивленно протянула Виктория, поймав его взгляд.

– Как?

– Как будто сейчас расплачешься.

– Желудок болит, сил нет, – соврал Васко. – У тебя нет таблетки случайно?

– Есть! – Она раскрыла сумку и достала из нее анальгин. – Держи. Но заглушать боль – не выход, надо искать ее причину. Сходи обязательно к врачу.

Он пообещал. А вечером на него надела Елена. Оказалось, Виктория сообщила ей о том, что Васко подвозил ее и у него болел желудок. Девушка сначала настойчиво предлагала пройти обследование у доктора, который лечит их семью, а затем допрашивала, каким ветром его занесло в тот район, где обитала Виктория. Уже тогда Елена почувствовала опасность. Но успокоила себя тем, что у подруги есть жених, которому она не изменяет, значит, ничего Васко не обломится. Увы, она не поняла главного, того, что ее избранник не возжелал, а полюбил Викторию. Причем на всю жизнь.

Он продолжал встречаться с Эленой, но думал лишь о ее подруге. Она завладела всеми его мыслями и чувствами. Это было похоже на болезнь. А так как сильную хворобу от окружающих не утаишь, то близкие заметили, что с ним что-то не

так. В том числе Элена. Хотя она оказалась в числе последних, кто спросил, что с ним творится. Ей было не до Васко в последнее время, своих проблем хватало: на ее мать завели уголовное дело и могли посадить в тюрьму, впаяв кошмарный срок за крупное хищение госсобственности. Элене было очень тяжело в тот период. Она как никогда нуждалась в поддержке. А ее от Васко не могла дожидаться. Он был вечно занят, а если освобождался и приезжал к Элене, то мыслями все равно находился не с ней. И она вывела его на откровенный разговор. А он как будто только этого и ждал.

– Не могу больше скрывать от тебя, – выпалил он. – Я люблю другую. Считаю нечестным утаивать от тебя этот факт.

– Кто она?

– Виктория.

– Вот сучка! А ведь уверяла, что если любит, не изменяет.

– Она и не изменяет...

– И что парни подруг для нее табу, – не услышала его Элена.

– Между нами ничего не было! Я тебе больше скажу: она даже не знает о моих чувствах к ней. Я не набиваюсь к ней в ухагеры, пока только в друзья. Знаю, что она влюблена, жду, когда разлюбит.

– И утетишь ее, да? – сквозь слезы рассмеялась Элена. – Не меня сейчас, а ее в предполагаемом будущем.

– Прости.

– Да пошел ты! Не прощаю! Вали отсюда...

И, подбежав к двери, распахнула ее.

Васко покинул квартиру Элены. И несмотря на то что на душе было не очень, с чувством облегчения. Теперь он не парень подруги, значит, его шансы удвоились.

Он перестал звонить Элене. И она его не беспокоила. О том, что ее мать осудили на пятнадцать лет, он узнал от Лены, с которой тоже общался. Имущество семьи было конфисковано. Осталась только квартира. Васко набрался смелости и поехал к Элене, чтобы предложить помощь. Она встретила его сурово. На приветствие ответила кивком и задала лишь один вопрос:

– Ты все еще ее любишь?

– Да.

И дверь перед ним захлопнулась.

Вскоре Васко узнал от Лены о том, что Елена скоропалительно вышла замуж и уехала со своим супругом в Ригу. Он некоторое время вспоминал о ней. Но вскоре позабыл. И когда спустя годы встретил Элену, то не сразу узнал. Просто лицо красивой зрелой женщины ему показалось знакомым.

– Привет, Васко, – поздоровалась она с ним.

– Добрый день.

– Я что, так сильно изменилась?

И улыбнулась одними губами. Глаза же оставались холодными льдинками.

– Элена! – осенило Васко.

– Она самая.

– Рад тебя видеть. Как ты?

– Неплохо.

– Ты сейчас где живешь? Тут или в Прибалтике?

– Тут. Вот уже полгода как.

– Семья, дети?

– Я в разводе. Есть взрослый сын. Он остался в Риге.

– А как мама?

– Она умерла на зоне.

– Прими мои соболезнования...

– Это было давно, я уже смирилась. А как ты поживаешь?

– Отлично! – бодро отрапортовал Васко.

На самом же деле особо хвастаться было нечем. Ни семьи, ни детей, да и работы не так много, как хотелось бы. Васко какое-то время еще снимался для журналов. А потом решил, что стоять по другую сторону камеры интереснее и прибыльнее, и стал пробовать себя в качестве фотографа. Получить первые заказы ему помогла Виктория, на тот момент самая востребованная манекенщица Москвы. Последующие он уже сам добывал. Причем легко. И наконец достиг того уровня известности, когда мог выбирать, где и с кем ему работать. Жаль, этим золотым временам пришел конец. Развалился Союз, вместе с ним и модная индустрия. К новым условиям жизни и деятельности Васко пока не привык. И не был уверен, что сможет. Но очень на это надеялся.

– Добился Виктории? – спросила Елена, остро глянув на Васко.

– Она мой добрый друг.

– И только?

– Да.

– Но ты все еще ее любишь? – Васко пожал плечами. –

Ответь, – потребовала Элена.

– Люблю.

– Хорошо, – улыбнулась она. И теперь не только губами.

Глаза заискрились.

– Не понял...

– Ты разбил мне сердце, сообщив, что любишь другую. Да еще платонически. Желание я бы тебе простила. Чувства – не смогла. Долгие годы я ненавидела тебя. Представляешь, ты жил, не зная о том, что у тебя есть враг! Честное слово, если бы представилась возможность сделать тебе какую-то пакость, я нагадила бы тебе, не задумываясь. Но время лечит. Я успокоилась. И даже перестала вспоминать о тебе. Но как увидела тебя... Испугалась.

– Меня? – удивился Васко.

– Себя. Я представила, как подойду к тебе, спрошу, как дела, а ты скажешь: отлично, я женат на Вике, у нас трое детей и внучка на подходе. Если бы я услышала это, ненависть бы вернулась. А я так от нее устала...

– Рад был тебя порадовать, – невесело усмехнулся Васко.

– Ты хотя бы признался ей?

– Да. Когда она рассталась со своим женихом. Это случилось вскоре, так что мне не пришлось долго ждать.

– И что она?

– Сказала, что я для нее только друг. И если меня такое положение не устраивает, нам лучше больше не видеться. – Васко совсем скис, рассказав об этом Элене. Ему стало так себя жаль, что захотелось выпить. – А поехали ко мне? Покажу тебе свою студию. Угощу виски. У меня есть отличный «Чивас».

Она согласилась, и они отправились к Васко домой (он оборудовал студию в самой большой комнате своей трешки) и там безбожно напились. Поревели, обнявшись. Пытались заняться сексом, но, к счастью, оба были в таком состоянии, что не смогли даже раздеться. В итоге взялись фотографироваться. И уснули под утро прямо на полу...

Так началась их дружба после ненависти.

...Сыворотка впиталась. Кожу начало немного покалывать, и это было нормально. Через пару минут морщины станут почти незаметными, мешки под глазами уменьшатся, а синева станет бледнее. Васко отошел от зеркала и направился в кухню. Алкоголь забирает молодость, поэтому он старался принимать его как можно реже. И все же иногда позволял себе пару порций виски со льдом. Сейчас он намеревался пропустить их. А после можно позвонить Мариэлле.

На самом деле девушку звали Мариной. Она приехала из глухой провинции, чтобы стать моделью, но, как и многие, оказалась не на подиуме, а на панели. С Васко она спала даром, потому что он ее бесплатно фотографировал. Благода-

ря ему у нее было отличное портфолио (крест на своих девичьих мечтах она не поставила, все еще надеялась пробиться в мир фэшена) и лучшие снимки в виртуальном каталоге девочек по вызову.

Васко налил виски в стакан, бросил туда кусочек льда. Подумав, нарезал сыра и колбаски. Тоненько-тоненько. Оставив спорт, он начал поправляться и с возрастом набрал двадцать лишних кило. Они ему мешали. Но сбросить не получилось. Не хватало силы воли. Васко любил вкусно покушать. Коко говорила «Ты – кот Васька, лакомка!» и трепала его по волосам. Будто он на самом деле был не мужчиной, а ее четвероногим любимцем...

Поставив стакан и блюдце с закуской на поднос, Васко собрался передислоцироваться в комнату, чтобы усесться в удобное кресло перед большим телевизором, но тут в дверь позвонили. Он никого не ждал, значит, явился кто-то из соседей. А так как он никому из них не одалживал ни денег, ни соли, то, видимо, опять собирают какие-нибудь подписи.

– Пошли вы к черту, – пробормотал Васко, решив проигнорировать звонок.

Но не тут-то было! Тот, кто явился по его душу, не думал так сразу ретироваться. Он позвонил еще раз. И еще. Выругавшись сквозь зубы, Васко поставил поднос на место и торопливо зашагал к двери, чтобы открыть ее.

Звонок все еще трещал, когда он это сделал. Васко терпеть не мог громкие навязчивые звуки, от них у него по телу

бежали неприятные мурашки.

– Да что же это такое? – возмущенно выпалил он, распахнув дверь. – Прекратите трезвонить! – Но, узнав визитера, сменил гнев на милость. – Ой, привет, это ты, рад тебя видеть. Заходи.

– Она мертва! – выпалил незваный гость.

– Кто?

– Виктория. Твоя королева. Теперь ты свободен от нее!

Глава 3

Данила

Ему снился дурной сон, подробностей которого Дэн не мог вспомнить, пробудившись. Такое в последнее время бывало с ним довольно часто. Он совершенно точно видел кошмары, так как просыпался резко, с колотящимся сердцем, испариной и неприятным осадком на душе, но какие именно – для него оставалось тайной. Будто Морфей, разгневанный тем, что Дэн вырывался из его объятий, наглухо захлопывал дверь в свой мир, не оставляя крохотной щелочки, чтобы в нее подсмотреть...

Он встал с кровати и прошествовал в ванную. Уснул он в одежде и не почистив зубов. Теперь нужно было раздеться, принять душ, прополоскать рот и вернуться в кровать. Сразу уснуть не получится, но можно почитать и посмотреть телевизор. Дэн в последнее время сильно перегружал себя эмоционально, поэтому, наверное, и спал так беспокойно.

Стянув с себя футболку и штаны, встал под душ. На полочке стояла целая батарея гелей, он взял первый попавшийся. Оказался апельсиновый. Поморщившись, Дэн швырнул пузырек в урну. Он терпеть не мог запаха цитрусовых. Близкие люди об этом знали. Значит, гель подарил кто-то из «левых» – бывший коллега (сейчас Дэн не работал), случайная барышня...

Мама...

Да, мама не входила в круг близких людей. Он и узнал-то ее не так давно!

Дэн взял пузырек, на этикетке которого были изображены зерна кофе. Выдавил гель на ладонь, затем нанес на тело. Приятно... И обонянию и осязанию. Значит, этот продукт преподнесла ему Коко. Она подходила к выбору подарков с душой. Даже если это были банальные, как говорят в народе, мыльно-рыльные принадлежности.

Помывшись, Дэн взял маленькое полотенце, чтобы вытереть волосы. А тело само высохнет. Ему нравилось ходить влажным.

Голым он вышел из ванной. Проходя мимо шкафа-купе в прихожей, бросил взгляд на свое отражение. Все в норме. Живот все в тех же кубиках, хотя он не посещал зал уже полтора месяца.

Дэн вообще был из породы красавчиков. Природа его щедро одарила. Рост, сложение, лицо, зубы, волосы – все безупречно. Многие считали его из-за этого баловнем судьбы. Как будто народную мудрость забыли: не родись красивым, а родись счастливым. А Дэн на ней, можно сказать, вырос. Дед, воспитывавший его с пеленок, постоянно эти слова повторял.

Данила появился на свет в деревне под Рязанью. Причем не в больнице, а дома. Потому что роды у его матери начались раньше срока и в такой дождливый день, что до села,

где имелась клиника, не доехать по раскисшим дорогам. От кого она забеременела, никто в деревне не знал. Приехала из города брюхатая. Все думали, отец прогонит девку, залетевшую вне брака, но нет, принял. А когда неблагодарная дочь снова сбежала в город, бросив полуторагодовалого сына, стал внука воспитывать.

Мальчишка рос здоровым, смышленным, только каким-то неудачливым. Постоянно попадал в передряги. То его корова боднет, то он в яму свалится, то сосулька ему на голову упадет, то отравится грибами солеными. Главное, дед тоже их ест, а единственный ложный в банке Даниле достается.

В одиннадцать лет Дэн на уроке физкультуры получил гранатой по носу. Одноклассница ее не туда метнула. В итоге – сломанная перегородка и рассеченная бровь. Учителя и директриса плакали, увидев, каким Дэн из больницы вернулся. Такое лицо у мальчика было, как с картины! Без единого изъяна. А что теперь? Нос горбатый, над глазом рубец. Не знали они, что Дэн только радовался этим изменениям. Ему не нравилось собственное отражение. Как будто в зеркало не пацан смотрит, а девчонка. Глазки, губки, носик, все нежное. Даже брови будто пинцетом подщипаны. Из-за этого его одноклассники дразнили. Но не колотили – он уже тогда был высок и крепок.

В тринадцать Дэн записался в секцию бокса. Их участковый, Евгений Яковлевич Митяев, в народе Митяй, бывший афганец, организовал ее, чтоб мальчишки спортом занима-

лись, а не гробили свое здоровье самогоном, сигаретами да клеєм. У Данилы не сразу дело пошло. Физические данные были отличными, а вот реакция не ахти.

– Это потому, что ему то на голову что-то падало, то он куда-то, – говорил дед участковому, который иногда захаживал к ним в гости. – У него три сотрясения было, пусть и легких...

– Причину со следствием путаете, Вениамин Дмитриевич, – возражал ему тот. – Реакция у Данилы несколько заторможенная, вот он и не успевал отпрыгнуть или обойти яму. Та же граната ему в лицо прилетела потому, что увернуться не успел.

– И какой ему бокс тогда? Всю башку отобьют парню, дебилом станет.

– Реакцию развить можно. Есть специальные методики. Дэну это не только в спорте, в жизни пригодится.

– Ну, тебе виднее, конечно, Митяй. Только, пока не разовьешь ее во внуке, не выпускай его на ринг, ладно? Я уже старый, за инвалидом ухаживать не смогу.

– Я из вашего внука, Вениамин Дмитриевич, настоящего чемпиона сделаю!

И принялся за Дэна всерьез.

Вскоре бокс стал для парня главным смыслом жизни. Не потому, что Даниле хотелось титулов, славы, денег, наконец. Просто он понял, как это здорово, управлять своим телом, чувствовать в нем мощь, энергию.

– Не это в боксе главное, – возразил ему тренер. – Не мышцы. А мысли. Пока ты – только тело. Если выразаться военным языком, солдат, рядовой. Пушечное мясо. А должен стать маршалом, понимаешь?

Дэн кивал, хотя понимал Митяя не до конца. Мал был еще.

В четырнадцать он одержал свою первую победу. В пятнадцать поехал на соревнования в Рязань и завоевал там юниорский титул чемпиона города. Сразу после этого парня позвали в город. Он не хотел переезжать, хотя понимал, что это шанс стать профессиональным спортсменом. Но как без него дед? Немолодой он уже, сам с хозяйством не справится: у него и огород, и скотина. А тренер? Столько сделал для Дэна, а он, получается, предает его? Ведь в городе с ним будет заниматься другой человек. Но когда он эти мысли озвучил, получил нагоняй и от деда, и от Митяя.

– Для нас главное, чтоб ты человеком стал! – возмутился дед. – Я тебя растил не для того, чтобы ты мне стакан воды принес, когда помирать буду. Может, я и пить-то не захочу!

– А я не затем тренировал, чтоб ты свой талант тут, в дыре нашей, загубил, – вторил ему Митяй. – Обещал чемпионом сделать – сделал. Но только города. А ты можешь мировым стать. Но не со мной. Я тебе дал, что мог. Дальше тебя должен тренировать тот, у кого больше знаний и опыта. Так что не думай – езжай. За дедом я присмотрю.

И Дэн поехал.

Нового тренера звали Прохором. Он был здоров, суров и волосат. Тело боксера покрывали седые лохмы. Когда он раздевался до майки, казалось, что под ней свитер. А вот голова его была абсолютно лысой. Те остатки волос, что кустились над ушами, Прохор сбрасывал.

Он тренировал Дэна жестко. В отличие от Митяя, не вел с ним бесед о философии боя, а ставил на ринг и лупил, пока подопечный не научится правильно блок ставить.

– Кто тебе сказал, что боксеру нужны мозги? Плюнь тому в лицо! – рычал он, нанося удары. – Инстинкт – вот что самое важное. Доверяйся ему и бей, бей!

Еще он учил его быть злым. Не по жизни, а на ринге. Разжигать в себе ярость, концентрировать ее и направлять на врага. Именно врага – не соперника.

– Ты – супертяж! Один хороший удар – и бой выигран нокаутом. Чтобы нанести его, надо силу помножить на ярость.

И Дэн учился боксировать по-новому. Правда, не так быстро, как хотелось бы тренеру, поэтому многие бои он проигрывал, чем выводил того из себя. Их учебные спарринги становились все более жесткими. Прохору даже делали замечания другие тренеры, но он велел им не лезть не в свое дело. И они замолкали – в коллективе Прохора не любили и побаивались.

Первый, кого Дэн отправил в нокаут, был именно он... Его тренер! Единственный человек, способный вызвать в нем ярость. Дэн с ужасом ждал, когда тот оклемается и вста-

нет. Думал, размажет. Душу вытрясет. Но Прохор удивил:

– Я горжусь тобой, сынок, – прохрипел он, рывком сев. – Меня свалил, молоток! – Он, схватившись за канат, встал на ноги. – И пусть я пьян сейчас и мог бы свалиться и сам, но ты все равно молоток. Буду тебя на общероссийские выставки. Думаю, ты готов.

Те соревнования он выиграл. С триумфом. Финальный бой продлился недолго. Дэн отправил соперника в нокаут уже в первом раунде. В Рязань он вернулся победителем.

Это был лучший момент в его жизни! Как выяснилось потом. А тогда ему казалось, что все хорошее только начинается. Но судьба напомнила красивому Дэну (с переломанным носом он стал еще привлекательнее) о том, что он не из породы счастливцев.

Как-то вечером они с Прохором шли из зала. Оба жили в общежитии, но обычно тренер отправлялся после занятий в пивную или к одной из своих женщин, а сегодня у него не было настроения ни пить, ни сексом заниматься. Вообще никакого не было! Он даже не разговаривал с Дэном, и это парня радовало. Когда Прохор был без настроения, его могло взбесить все, что угодно, в том числе какое-нибудь невинное высказывание.

– Закурить не найдется? – донеслось откуда-то из темноты.

– Не курим, – бросил Дэн в ответ.

– Кто не курит и не пьет...

– Тот пидор! – И дружный хохот. Темнота скрывала как минимум троих.

Прохор остановился. На его лице появилась кровожадная улыбка. Он нашел тех, на ком сорвет свою злость.

– А ты выйди, сладкий, покажи личико, – вкрадчиво проговорил Прохор. – Если понравиться, я тебя поцелую, и ты узнаешь настоящую мужскую любовь...

Дэн ошибался – задир было не трое, а пятеро. То есть противник превосходил их по численности. К тому же двое парней производили впечатление бывалых драчунов. Остальные так, шакалята при боевых тиграх. И все же их тоже нельзя было сбрасывать со счетов.

– И кого из вас целовать, мальчики? – спросил Прохор, хотя сам уже догадался, кто в этой стае вожак, и обратился к нему: – Наверное, тебя, голубок?!

Реакция последовала незамедлительно. Парень выбросил кулак и снес бы Прохору челюсть, не уйди тот от удара. Второй крепыш кинулся на Дэна. Шакалята до поры держались в сторонке. Но когда поняли, что их предводители вот-вот будут повержены, бросились им на подмогу. На Прохора, как более взрослого и крупного, налетели сразу двое. На Дэна – один. Он легко сбросил его с себя. Но тут ощутил резкую боль в боку. Опустив глаза, он увидел торчащую из бока рукоятку перочинного ножа.

– Вот ты козлина! – в бешенстве заорал Дэн. – Ты мне куртку испортил новую! Знаешь, сколько она стоит?

Он на самом деле в тот момент переживал из-за этого, а не из-за раны. Он на эту куртку все призовые угрохал. Таких, итальянских, кожаных, в Рязани больше ни у кого не было.

Вне себя от бешенства, Дэн ринулся на шакаленка и обрушил на него свой фирменный хук. В ударе сосредоточилось столько силы, помноженной на ненависть, что парень отлетел на три метра и врезался головой в угол дома.

– Атас, менты! – закричал кто-то из шпаны.

И через несколько секунд их след простыл. Причем председателя поднимали с асфальта и волокли под руки.

На месте драки остались Прохор, Дэн и... парень, пырнувший его ножом.

Он был мертв. Травма, полученная при ударе, оказалась не совместимой с жизнью.

После было следствие, суд, оправдательный приговор. Федерация спорта из Москвы прислала своего адвоката. Он «отмазал» Дэна даже от условного срока. Но на ринг ему путь был заказан. Да и сам Данила не желал туда возвращаться.

...Он тряхнул головой, отгоняя воспоминания. Не любил ворошить прошлое. А в нем, прошлом этом, столько всего было нехорошего, кроме той драки, что, в нем копаясь, можно впасть в глубокую депрессию.

Дэн, уже высохший, разобрал кровать и нырнул под одеяло. Он любил спать голым. Без одежды он быстрее расслаблялся. Щелкнув пультом, он включил канал «Дискаве-

ри». Глядя на резвящихся бегемотиков, он взбивал подушку. Сделав это, он собрался опустить на нее голову, как в дверь позвонили.

Смачно ругнувшись, он встал и пошел открыть. Штаны натянул на себя по пути, сорвав их со спинки кресла.

Отперев, он увидел на пороге незнакомого мужчину.

– Здравствуйте, – хрипло сказал он и закашлялся. – Извините, простуда.

– А вы кто?

– Майор Сергеев. Полиция. – Он продемонстрировал удостоверение.

– А что такое? – напрягся Дэн.

– Умерла, предположительно насильственно, Виктория Андреевна Белецкая. Вы знаете такую?

– Да.

– Нам нужно задать вам пару вопросов.

Дэн почувствовал, как от лица отхлынула кровь. А полицейский это заметил.

– Что-то вы побледнели, – протянул он.

– Из подъезда дует, а я, как видите, раздет, – ровно, без дрожи в голосе, проговорил Дэн. – Заходите. Я оденусь и буду в вашем распоряжении...

Глава 4

Алиса

Корвалол не помог. Сердце продолжало колотиться так сильно, что Алисе казалось – его буханье слышат даже те, кто находится с ней рядом. Да и руки продолжали мелко подрагивать. Алиса сцепила их на коленях, но тут же сунула в карманы – они оказались ледяными.

– Можно, я чаю себе согрею? Меня знобит, – обратилась она к старшему следователю Вернику, прибывшему на место преступления вместе с операми. Он сидел через стол от нее. К счастью, не тот самый, на который они с Коко ставили фрукты и шампанское. В данный момент они находились в кухне.

– Согрейте, – ответил он. – Я бы тоже от чая не отказался.

Алиса встала и подошла к плите. Коко кто-то из друзей подарил отличный электрический чайник, но он так и остался в коробке, воду она продолжала кипятить по старинке, на газу.

– Давайте еще раз, Алиса Витальевна, вернемся к последнему вопросу, – заговорил с ней Верник. – Вы услышали шаги, я правильно вас понял?

– Да. За своей спиной. Тихие, медленные. Как будто кто-то крался.

– Но кто именно, вы не знаете.

– Нет.

– Странно, что вы не обернулись.

– Почему же?

– Это естественная реакция – обернуться на звук.

– Моя бабушка деревенская. Ее отец егерем был. Не знаю, как сейчас, но тогда в лесах полно было хищников. И он с малых лет учил дочку: не делать резких движений, заслышав позади себя шум. Это может спровоцировать зверя на нападение. Лучше замереть, и тогда он, возможно, уйдет.

– Еще, я слышал, мертвым притвориться советуют, если, к примеру, медведь нападает. Вы поэтому обморок изображали?

– Вы сейчас иронизируете или серьезно спрашиваете? – сердито спросила Алиса.

– Барышня, я убийство расследую, мне не до смеха, – с упреком протянул Верник.

– Я потеряла сознание от страха. А когда очнулась, в квартире уже никого не было.

– После этого вы спустились вниз и попросили консьержа вызвать полицию, так?

– Да.

– Сколько вы были без сознания?

– Я не знаю. Не засекала.

– С того момента, как вы зашли в подъезд, и до того, как спустились на первый этаж, прошло восемь-десять минут. И по словам консьержа, за это время никто на улицу не выхо-

дил.

– Вы это к чему?

– Может, шаги вам примерещились со страху?

– Нет.

– Уверены?

– Стопроцентно.

– Значит, человек, что находился в квартире, на время где-то затаился и вышел из подъезда, когда консьерж покинул свой пост, либо он тут живет... – Верник подался к двери, распахнул ее и крикнул. – Вася, ты тут?

– Ну... – донеслось из комнаты.

– Кто по квартирам пошел?

– Сергеев.

– Один?

– А с кем же? Нас всего четверо, включая тебя.

– Вернется – ко мне посылай сразу.

– Как скажешь, начальник, – эта реплика прозвучала громко, не как предыдущие, поскольку Вася показался на пороге кухни. – Дамочка отошла? – спросил он, кивнув на Алису.

– Потрясывает еще.

– Это я вижу. Может, укольчик успокоительный?

– Хотите? – обратился Верник к Алисе.

– Не надо. Я травяного чаю выпью. Он и успокоит, и согреет.

– Вы нам там нужны! – Вася кивнул за спину. – Не хлоп-

нетесь в обморок?

– А Коко, она... Все еще на стуле?

– Нет, покойная уже вне квартиры.

– Тогда смогу.

– Пойдемте.

– А чай?

– Заварите. Пока он готовится, мы закончим. Я вас недолго задержу.

Алиса кивнула и достала из ящичка несколько чашек и коробку с чаем. Решила сделать всем. Только себе она ромашковый заварила, а мужчинам обычный черный. Знала: представители сильного пола травяные чаи не жалуют.

Выходить из кухни все равно было страшно. Алисе пришлось сделать над собой усилие, чтобы переступить порог. Но в коридоре было светло, впереди нее шел Вася, позади Верник, и она успокоилась.

– Вы открыли дверь своим ключом, я правильно понял? – бросил опер через плечо.

– Да.

– У кого, кроме хозяйки и вас, они еще были?

– Не знаю.

– Многие у соседей оставляют запасную связку на всякий случай. Она так делала?

Алиса пожала плечами.

– Мне она об этом не говорила. Возможно.

– Замок в полном порядке. Его не взламывали. Значит,

либо покойная впустила убийцу сама, либо у него имелся ключ от двери.

– То есть уже нет сомнений в том, что смерть насильственная?

– Пока не сделано вскрытие, есть. Но я лично убежден – ее убили. Но даже если нет, то глумление над трупом тоже преступление, пусть и не такое тяжкое...

– Вася, замолкни, – приказал оперу следователь. – И говори, чего от свидетельницы хотел.

– Ты уж определись, Гоша, замолкать мне или говорить.

– Ты меня понял.

– Вас Игорь зовут? – спросила Алиса.

– Да.

– Игорь Верник? Как артиста?

– Вот так мне повезло, – буркнул он. – А теперь скажите, что я не похож на своего полного тезку, что очень жаль...

Он на самом деле был его прямой противоположностью – упитанный, светлый, с залысынами. И улыбался он очень скупно, лишь чуть раздвигая губы.

– У меня парень был Селезнев, – сказала Алиса. – Все подбивали меня выйти за него замуж. Чтоб стать полной тезкой главной героини «Гостьи из будущего».

Эта болтовня немного отвлекла Алису. Но, войдя в комнату и увидев стул, пусть уже пустующий, но с этими ужасными обручами, снова вся внутренне сжалась.

– Давайте восстановим картину, – обратился к ней Вася. –

Вот вы заходите и...

– Что тут восстанавливать? Стояла тут же примерно. Коко сидела там! – Она дернула подбородком в сторону стула и тут же отвернулась, не желая на него смотреть.

– А шаги откуда раздавались? – спросил Верник.

Алиса указала большим пальцем за свое правое плечо.

– Спальня в той стороне, – отметил Вася.

– Ты давай вниз дуй сейчас, – велел ему следователь. – Консьержа допроси. И пусть составит список всех, кто входил-выходил.

– Хорошо, что есть тут швейцар при доме. Это, Гоша, чтоб ты знал, так во Франции консьержей называют. Но лучше б камера на входе была. Непонятно, почему не установят.

– Парень новенький, – подала голос Алиса. – Он почти никого из жильцов не знает. Кто к кому ходит – тоже. Из него плохой помощник следствию. А камера была, но ее разбили, а на новую пока жильцы не сбросились.

– Одно к одному, а? – обратился к Василию Игорь. – И камеры нет, и консьерж новый. Все просчитал наш преступник.

– Неужели! Коль с собой железяки принес. У него был четкий, продуманный план. Ладно, я пошел.

И удалился. Но ему на смену явился грузный мужчина с бородой, которого Алиса до этого не видела. Она решила, что это судмедэксперт.

– Здравствуйте, девушка, – поприветствовал он Алису.

Она в ответ кивнула.

– Просьба-просьбишка у меня к вам. Я сейчас на теле вашей подруги синяк увидел подозрительный. Непонятно, откуда взялся. Вы не могли бы сесть и показать, в каком положении покойница находилась, когда вы ее обнаружили?

– Куда сесть? – испугалась Алиса.

– Желательно на стул. Чтоб посмотреть, где располагались крепления.

– Нет, я не буду этого делать, – замотала головой она.

– Вам страшно? Понимаю... Но вы бы очень помогли следствию.

– Пусть изобразит, сидя на диване, – пришел ей на подмогу Верник. – А лучше – на кресле.

– Ладно, – поджал губы эксперт. – Но ты, Гош, все же повтори за барышней, сев на стул.

– Да мы его с собой заберем.

– Меня гложут смутные сомнения. Я не могу позволить им загрызть меня окончательно...

– Алиса, прошу. – Верник указал на кресло. А сам направился к стулу.

Она закинула ногу на ногу, выпрямила спину, опустила руки на подлокотники.

Верник последовал ее примеру.

– Вот так? – уточнил он, усевшись.

– Кисти скрестите, – едва слышно выдохнула она.

Игорь опустил одну ладонь на другую.

И тут самообладание покинуло Алису. Туман набежал на глаза, и она уже не видела ни следователя, ни стула, на котором он восседает, ни эксперта, стоящего подле...

– Поплыла барышня, – услышала Алиса сквозь пелену. После чего провалилась в уютное спокойствие бессознательности. Второй раз за день и всю свою жизнь она упала в обморок.

Часть вторая

Глава 1

Элена

Она сидела в своем кабинете за столом и мелкими глотками пила остывший кофе со сливками и сахаром. Элене нравился именно такой. Даже когда она садилась на диету и ела одни овощи да вареную куриную грудку, не отказывала себе в любимом напитке. Лишить себя теплого, сладкого, с концентрированным молочным привкусом кофе все равно что добровольно обречь себя на муки.

Чашка опустела. Элена отставила ее и взяла в руки стопку фотографий. В ней их было семь штук. И на каждой изображена Коко.

Разложив фотографии на столе, Элена стала изучать их.

– Эта не годится, – пробормотала она, перевернув самую первую. – На ней Коко очень молода. Ей тут тридцать. Эта, пожалуй, тоже... – Она постучала ногтем по фото, на котором подруга была запечатлена в заснеженном лесу. Она стояла возле ели. На голове меховая шапка-ушанка. Очень красивая, пушистая, но закрывающая лоб и скулы. – Пол-лица скрыто! – Снимок был положен на первый, также изображе-

нием вниз. – Эта? Что ж, возможно...

Элена взяла ее и, вытянув руку, взглянула еще раз. Ох, уж эта возрастная дальнозоркость! И нежелание пользоваться очками.

– Нет, тоже не то! – с разочарованием проговорила она.

В дверь постучали.

– Кто там? – крикнула она. Всех, в том числе секретаря, она приучила стучать.

– Мам, можно?

– Заходи, сынок.

Дверь открылась, и на пороге возник Оскар. Он совсем не был похож на мать. Разве что глаза ее взял: голубые, льдистые, с чуть приподнятыми уголками. Волосы же были темными, чуть волнистыми, не очень густыми. Лицо – приятным, щекастым, с ярким румянцем. Мордаха Оскара-ребенка всех умиляла. Особенно его мать. Элена обожала трепать сына за розовые щечки и очень расстроилась, когда он, начав созревать, исхудал. Сейчас, будучи взрослым мужчиной, он имел среднюю комплекцию.

Сын переехал жить в Москву несколько лет назад. До этого учился в Риге, там же делал попытки найти себя. Но как-то у него не ладилось. И не потому, что он был глуп или нестарателен. Просто Оскар был из породы тех людей, которые нуждаются в каждодневной поддержке. Его отец и бывший муж Элены Роберт считал это слабостью и постоянно упрекал супругу в том, что это она во всем виновата. Чрезмерно

его опекала, и вот результат: Оскар – маменькин сынок, не способный принять самостоятельно элементарных решений. И это касалось всего. Оскар не знал, в какую секцию ему записаться, какое выбрать для себя хобби, куда поехать на каникулы, в чем лучше пойти на свидание, а зачастую и с кем! Да, бывало и такое. Елена подсказывала ему, какую девочку-девушку лучше выбрать, потому что сам он затруднялся это сделать.

– Мамочка, мне нравятся две мои одноклассницы: Эльза и Регина. Как думаешь, кого из них мне пригласить на выпускной?

– Ту, которая нравится больше.

– Больше Эльза. Но она такая шумная – громко говорит и хохочет. Я от нее устаю.

– Значит, Регину. С девушкой прежде всего должно быть комфортно.

Сын благодарно целовал маму и внимал ее совету. Елена не считала это чем-то ужасным. Разве плохо, что она имеет влияние на свое чадо? К кому сыну еще прислушиваться, как не к ней?

С мужем они развелись, когда Оскар оканчивал школу. Ему оставалось полгода до получения аттестата. Елена хотела дотянуть до выпускного, чтоб не травмировать ребенка перед экзаменами, но супруг ждать не пожелал. Он давно любил другую и желал с ней воссоединиться до того, как ее живот ползет на нос – она забеременела. Елена не стала

мужу гадить, дала согласие на развод. Но потребовала хороших отступных.

Школу Оскар окончил с медалью, но Елена сомневалась, что сын сможет поступить в московский вуз, так как русский был его вторым языком. Значит, придется оставаться в Риге. Но ей так надоел этот город, тянуло в родную Москву. К тому же антироссийские настроения мешали ей чувствовать себя в Латвии как дома. И она решила, что пора перерезать пуповину.

Когда она сообщила мужу, уже бывшему, что хочет переехать в Россию, а Оскара оставить в Латвии на его попечение, тот обрадовался. Да, у него уже имелся второй ребенок, но это же не повод отмахнуться от первого. Отцепившись от маминой юбки, парень наконец-то начнет взрослеть, а это именно то, чего он так упорно добивался.

Как ни странно, Оскара новость не ввергла в пучину отчаяния. Он воспринял ее лишь с легкой грустью:

– Я буду по тебе безумно скучать, – сказал он, обняв мать. – Но разлука, пожалуй, нам обоим пойдет на пользу. Я стану самостоятельнее, а ты...

– А я?

– Посвятишь себя еще кому-то, кроме меня. Ты теперь женщина свободная, можешь найти себе человека по душе. Я всегда считал, что вы с отцом друг другу не подходите.

Она была приятно удивлена. Так здраво ее мальчик еще не рассуждал. Неужели повзрослел?

После того как Оскар поступил в институт, она уехала в Москву.

Первое время они каждый день перезванивались. Потом все реже. Сына закрутила студенческая жизнь, появились новые друзья, девушки. Потом оказалось, не те! И если б Елена была рядом, Оскар попал бы в другую, более подходящую для себя компанию и связал жизнь с достойной себя барышней.

О том, что Оскара отчислили с третьего курса за прогулы и он вступил в гражданский брак с какой-то рокершей, которая на завтрак курит, а на обед выпивает два литра пива, Елена узнала, приехав его навестить. Отец купил Оскару квартиру, и он жил отдельно. Неудивительно, что к парню с собственной хатой потянулись всякие сомнительные личности обоих полов. Елена быстренько всех разогнала. А когда Оскар попытался отстаять свое право на свободу выбора, инсценировала сердечный приступ. Перепуганный сын тут же свернул свою революционную деятельность, и Елена, полежа в больнице, вернулась в Москву со спокойной душой. Знала: в ближайшее время ее Оскар будет паинькой и не сделает ничего, что может расстроить его больную мамочку.

Он неплохо окончил институт. Нашел благодаря отцу работу. Но она его не увлекала. Хотелось заниматься чем-то другим, но чем, он не знал. В итоге уволился, начал себя пробовать то в одном, то в другом, от коммерции до написания

эротических рассказов. Дохода ни одно из занятий не приносило, да и удовлетворение лишь на первое время. Оскар захандрил, начал попивать, нашел себе очередную непутевую бабу. Эта, правда, не курила и не употребляла алкоголя, но была не от мира сего: не работала, все свободное время посвящала чтению изотерических книг и попытке выйти в астрал. Дом был запущен, а Оскар заработал гастрит, питаюсь сухомяткой. Хорошо, не повернулся на той же почве, что и его избранница, а та не забеременела. Тогда Елена уже ничего не смогла бы поделать.

– Сын, нам нужно серьезно поговорить! – заявила она Оскару, выпроводив его сожительницу в аптеку за лекарствами, которые она якобы забыла в Москве. На самом деле она в них не нуждалась, поскольку на здоровье не жаловалась, а те пилюли, за которыми она послала девушку, вряд ли продавались где-то, кроме страны-производителя – Израиля. Значит, девушка вернется не скоро. – Я понимаю, ты тут родился, вырос, и все в твоей жизни связано с Ригой, но...

– Я в Москву не поеду, если ты к этому ведешь, – мотнул головой он. Этот город его пугал. Был слишком большим и враждебным. Елена пыталась переманить сына в Москву сразу после того, как он получил диплом. Но Оскар отказался. Тогда она не стала настаивать, думала, он и без ее чуткого руководства устроит свою жизнь.

– Но я нуждаюсь в тебе. Неужели ты бросишь меня, больную?

– Мам, давай лучше ты возвращайся.

– У меня российское гражданство. А это значит, я тут не получу нормальной медицинской помощи. К тому же там, в Москве, я при деле. Не думаю о хворях. А тут я превращусь в обычную пенсионерку, захандрю и уйду раньше времени...

И далее в том же духе.

Пятнадцати минут хватило, чтобы переубедить Оскара. И когда его сожительница вернулась домой, ей сообщили, что он уезжает, и попросили начать собирать свои вещи, поскольку квартира будет продана.

Элена ни разу не пожалела о том, что вновь взяла под контроль жизнь сына. Зато теперь он уважаемый человек, издатель и по совместительству – главный редактор. Она решила, что неплохо бы было выпускать модный журнал для среднего класса. Эдакий прет-а-порте ответ кутюрным «Воггу» и «Эль». Элена вложила эту идею в голову сына, чтоб тот ее принял за свою, и, когда Оскар ее озвучил, с радостью поддержала. Денег на раскрутку она же дала. И помещение под редакцию выделила в здании, принадлежащем агентству. Так что работали сын и мать по соседству. Поэтому Оскар был частым гостем в ее кабинете.

– Мамулькин, привет! – он подошел к Элене и чмокнул ее в щеку. – Выглядишь чудесно.

– Перестань, – отмахнулась она.

– Серьезно. Ни за что не скажешь, что ты весь вечер проплакала. – Он слышал, как мама всхлипывала, когда разго-

варивал с ней по телефону.

– Утром пришлось в салон заехать, сделать криомаску. Мешки были – во! – Она приложила чуть согнутые ладони к лицу.

– Чем занимаешься?

– Выбираю фото для похорон. Поможешь?

Оскар сел на край стола и начал перебирать снимки.

– Вот это, пожалуй, лучшее, – сказал он, протянув матери портретное фото.

– Сын, это же на паспорт! С ума сошел?

– Не знал, что у Коко был паспорт размером с Большую советскую энциклопедию.

– Она в последнее годы только Васко доверяла себя фотографировать. В том числе – на документы. И он наделал этих портретов в разных форматах. Зачем только, не знаю. – Она перевернула фото, как и остальные. – Кстати, как он?

Оскар сдружился с Васко и эту ночь провел у него, желая поддержать. Об этом его попросила Елена. Боялась, что их общий друг от горя что-нибудь с собой сделает.

– На удивление – нормально, – ответил на вопрос матери Оскар. – Поплакал, напился, опять поплакал и уснул. Сейчас он у следователя. Потом сюда приедет.

– Может, он мне поможет фото выбрать?! Я теряюсь. По-моему, так ни одно не годится.

– И мне так кажется.

– Но других нет, только эти.

– Она моделью почти двадцать лет проработала, как – нет?

– Коко перестала сниматься в сорок. Фотографии тех лет не годятся. А за последнее десятилетие она сделала их ничтожно мало. Хотя ей постоянно предлагали работу. Я – в том числе. Одежду для зрелых дам тоже кто-то должен рекламировать. А в последнее время вообще пошла мода на возрастных моделей. Но Коко, приняв в сорок решение уйти, его не поменяла. В этом она похожа на Брижит Бардо. Та закончила свою кинокарьеру в том же примерно возрасте, хотя могла бы сниматься и сниматься, она ведь до сих пор жива...

– Мам, ты что-то путаешь.

– Что, умерла? А я не слышала.

– Да не о Бардо я! А о Коко. По крайней мере, в одной фотосессии она недавно поучаствовала.

– Быть такого не может!

– Не веришь мне, поверь своим глазам...

С этими словами он протянул матери большой конверт. Он все это время держал его под мышкой.

– Что это?

– Открой, посмотри.

Элена сунула руку внутрь уже надорванного конверта и нащупала плотную глянцевую бумагу. Фотографии, поняла она. А что еще может носить с собой главный редактор модного журнала?

Она вытащила их. Разложила на столе поверх тех, что уже

были. Фотографий оказалось четыре.

– Потрясающе, – прошептала она, рассмотрев каждую.

На всех – Коко, сидящая на стуле, который они с Васко ей подарили. Поза во всех четырех случаях одна – ракурсы разные. Элене особенно понравился снимок, на котором подруга изображена анфас. Лицо безмятежное, очень молодое, только глаза пустые какие-то, им бы немного блеска придать в фотошопе. Странно, что фотограф этого не сделал, хотя снимок был отредактирован.

– Где ты взял эти фотографии? – спросила Элена у сына.

– Обнаружил на своем столе сегодня. Вместе с остальной почтой. Очень удивился, когда, вскрыв конверт, увидел фотографии Коко. Не помню, чтоб мы заключали с ней контракт на съемку.

Элена продолжала рассматривать фотографии. Они уже не казались ей потрясающими. Что-то в них было не то...

Тут в дверь постучали. И тут же она открылась, явив взору Элены взволнованную мордашку секретарши Катерины.

– Элена Александровна, тут к вам из полиции, – выпалила она. – Майор... э...

– Сергеев, – подсказал визитер, оттеснив девушку. – Позвольте?

Майор был невысок, хорошо сложен, темноволос и весьма лицом приятен. Элене нравились мужчины такого типажа. Сама высокая, она обращала внимание на компактных, но ладных представителей сильного пола. Только ее бывший

муж был крупным мужчиной, за метр девяносто. И красивым. Но не обаятельным. Может, поэтому она так и не смогла его полюбить?

– Елена Александровна, думаю, вы поняли, по какому вопросу я к вам, – сказал Сергеев, опустившись в кресло, на которое ему указала хозяйка кабинета.

– Это насчет Коко?

– Совершенно верно.

– Алиса... та девушка, что обнаружила тело.

– Я понял, о ком вы.

– Так вот, она сказала мне, что Коко убили, это так?

– Прежде чем ответить, я хотел бы попросить вашего посетителя покинуть кабинет.

– Это мой сын Оскар. Он отлично знал Коко. Много раз бывал у нее. Он может так же, как и я, быть полезен.

– Что ж, хорошо, пусть остается. А могу я попросить кофе?

– Простите, что не предложила. Конечно. – Елена нажала кнопку селектора и дала Кате задание сделать три кофе. – Так что вы скажете? Как умерла Коко?

– Ваша подруга скончалась от яда, введенного в тело при помощи инъекции. Ни шприца, ни ампулы в квартире не обнаружили. К тому же тело переносили после смерти. Это подтверждает версию насильственной смерти.

– В голове не укладывается, – прошептала Елена. – Коко была дивным человеком. Ей никто не мог желать зла.

– Вы так же считаете? – обратился Сергеев к Оскару.

– Я не так хорошо знал Коко, как моя матушка, но мне она всегда казалась положительным персонажем. Так что мотивом вряд ли является личная неприязнь, скорее – выгода.

– У Коко водились деньги? – заинтересовался майор.

– Как таковые – нет. Но она жила в шикарной квартире. Это же как минимум полтора миллиона долларов, а скорее, два. Узнаете, кто наследник, – вычислите убийцу.

– Вам бы в полиции работать, – криво усмехнулся опер. – Вон вы как быстро расследование провели. Да еще в одиночку.

– Не понимаю вашего сарказма. Как говорили древнеримские юристы: «Ищи, кому выгодно!»

– Если все было бы так просто, процент раскрываемости бы зашкаливал...

– Я думаю, квартира достанется Алисе, – подала голос Елена. – Но она совершенно точно не убийца. Девушка обожала Коко.

– Алисе? – удивился Оскар. – Почему ей? Она ведь не родственница и не самый близкий человек. Да они знакомы всего несколько лет!

– Я не любила ее квартиру, – начала Елена, обращаясь не к сыну, а к майору. – Считала ее старушечьей. Говорила, что в ней воняет нафталином и надо запустить в дом свежесть. Естественно, я выражалась иносказательно. Квартира на самом деле не пахла ничем. И Коко как-то на мой оче-

редной выпад ответила фразой: «Свежесть придет с новым хозяином после моей смерти. Попахивающую нафталином старость сменит благоухающая молодость!» А так как, кроме Алисы, всем друзьям Коко перевалило за пятьдесят, то...

– Минутку, – резко оборвал Элену Сергеев. – Что это у вас?

– Где?

– В руках.

– Фотографии, – ответила Елена. Начав разговор с опером, она убрала их на край стола, а теперь взяла, чтобы переложить в ящик, так как Оскар включил кондиционер на обогрев, и она побоялась, что их сдует.

– Можно взглянуть?

– Пожалуйста. – Она протянула снимки Серову. – Оскар обнаружил их на своем столе сегодня. Судя по всему, это последний лук Виктории.

– Я бы сказал, посмертный, – пробормотал Сергеев, впившись глазами в первое фото.

Глава 2

Алиса

Никаких каблучков, обтягивающей бедра замши, меха, стразов. Джинсы, кроссовки, спортивная куртка. За спиной рюкзак. Волосы собраны в хвост. Ни сережек, ни колец. Никакой косметики, даже блеска на губах, только бальзам.

– Ты выглядишь от силы на двадцать в таком виде, – сказала Алисе Сью, валяющаяся на диване и следящая за тем, как подруга собирается.

– Разве это плохо?

– Я бы сказала, что нет, не превратись ты в совершенно безликое существо, сливающееся с толпой. Уж лучше выглядеть на свои двадцать шесть, чем превратиться в серую мышь.

Сью скривилась. Сама она делала все, чтобы привлечь к себе внимание. Поэтому волосы красила в угольно-черный цвет и наращивала их. Носила цветные линзы. Раз в три месяца впрыскивала в губы гель. Одевалась во все блестящее и ультракороткое. А туфли с каблучками ниже двенадцати сантиметров и без платформы считала тапочками. Благодаря всему этому ей удавалось становиться центром внимания, поскольку похожие на нее барышни передвигались на авто, а она пользовалась метро и маршрутками. Сью пока только начинала свою карьеру модели и еще не обзавелась «папи-

КОМ».

– Я сейчас именно этого и хочу, – ответила на замечание подруги Алиса. – Стать безликой. У меня горе, и мне страшно представить, что кто-то начнет проклевывать скорлупу, в которую я спряталась.

Со Сью Алиса познакомилась два года назад. Та явилась в агентство Элены в надежде стать одной из его моделей. Тогда она представлялась своим настоящим именем Сюзанна (ее мама обожала песни Кузьмина) и была не роковой брюнеткой, а хорошенькой шатенкой среднего роста. Из-за него девушку не взяли в модели. Та отказом была просто-таки раздавлена, так как ни минуты не сомневалась в том, что именно ее ждет мир фэшена, и рыдала в туалете до тех пор, пока Алиса, зашедшая туда, не успокоила. Ей девочка понравилась, поэтому она решила последовать примеру Коко и помочь Сюзанне.

Алиса отвела ее в другое агентство. Оно было не такое крупное и престижное, как у Элены, и специализировалось на подборе девушек и юношей для работы в молодежных журналах и каталогах. Сюзанне было уже восемнадцать, но выглядела она на пятнадцать, потому что была естественна и миниатюрна, и ее с удовольствием взяли.

Первое время Алиса следила за скромными успехами Сюзанны, но потом потеряла ее из виду, так как много работала за границей: то недели моды, то съемки для календаря, то участие в рекламном ролике известного автомобильного

бренда. Встретилась она с Сюзанной только через девять месяцев и не узнала ее. В кафе, где девушки договорились пересечься, всплыла кукла, накрашенная и разодетая так, будто она артистка кабаре и в перерыве, не снимая грима и сценического костюма, забежала попить кофе.

– Сюзанна? – неуверенно спросила Алиса.

– Сью, – поправила та. – Всегда ненавидела свое имя.

– Судя по всему, и внешность...

– Нравится? – Сью надула губы. Выглядели они как два слепившихся вареника.

– Мне кажется, со своими тебе было лучше. И вообще ты сейчас выглядишь старше своего возраста. Зачем это нужно? Ты ведь подростковая модель.

– Уже нет.

И она стала рассказывать о том, что разорвала контракт с агентством, куда ее привела Алиса, ушла в другое, и вот-вот на нее обрушится мировая слава. Потом Сью переключилась на своего парня, очень перспективного рекламщика, но пока печатающего листовки, что раздают у метро. Что Алисе нравилось в Сью, так это ее чистота. Наивность – один из ее признаков. Только она опасалась, что девушка ее вскоре утратит. Именно из таких, как Сью, получаются самые отъявленные циники.

Она никогда ни о чем Алису не просила. Та сама помогала. Пару раз нашла девушке работу. Брала с собой на вечеринки, где Сью могла бы познакомиться с нужными людьми.

А когда та рассталась со своим парнем, тем самым рекламщиком, предоставила кров. Полтора месяца Сью жила с Алисой и совершенно ее не напрягала. Обе бывали дома нечасто, а приходили только отдохнуть, помыться, переодеться. Если обе оказывались в квартире в одно и то же время, закатывали «пиры» (объедались легким йогуртом или низкокалорийным клюквенным суфле), болтали, иногда выпивали бутылочку брюта и танцевали под Псая. С веселой, неконфликтной Сью было легко уживаться. И она не нарушала двух условий, которые Алиса перед ней поставила перед тем, как приютить: не разводить бардак и не водить мужиков.

– Ты куда сейчас? – спросила Сью, встав с дивана. На нем она валялась в полной боевой готовности: с прической, макияжем и в красном декольтированном платье. Подруга, как вставала и умывалась, сразу наводила красоту. Даже если из дома намеревалась выйти только к вечеру.

– Надо съездить в квартиру Коко, платье выбрать для похорон.

Сью поежилась. Она до жути боялась покойников, а также погребальных церемоний.

– Не возражаешь, если я на них не пойду?

– Это твое дело, Сью.

– Я же ее и не знала почти...

Алиса подошла к подруге и, наклонившись, поцеловала ее в макушку.

– Все, я побежала.

– На такси поедешь? – спросила Сью, зная, что сама Алиса не водит, а метро терпеть не может. В этом они с Коко были похожи.

– Глеб отвезет.

– Он вернулся из Германии?

– Да, ночью.

Глебом звали парня Алисы. Он работал спортивным агентом, и в Германии «продавал» одного из футболистов «Зенита».

Познакомились молодые люди полгода назад на светской вечеринке. Алиса сидела на диване, пила минералку, из последних сил поддерживала разговор с популярным молодым актером и думала только о том, как поскорее сбежать с этого пафосного, но невероятно скучного пати. Глеб стоял возле стойки, прихлебывал виски и наблюдал за ней. Взгляд его был так пристален, что Алиса его почувствовала и повернулась.

Сначала ей не понравилась внешность Глеба. Он был неплохо сложен, но имел заметное брюшко. Темные волосы подстрижены очень коротко, и заметно, что уши чуть оттопырены. Губы тонковаты. Но тут Глеб улыбнулся, широко, открыто, и все изменилось. Его лицо осветилось и стало невероятно притягательным.

– Разрешите, я украду вашу собеседницу, – обратился к актеру Глеб и, не дождавшись ответа, помог Алисе подняться с дивана, затем увел ее на балкон. – Тут поспокойнее, –

сказал он. – Можно нормально познакомиться. – И представился.

Алиса тоже назвалась.

– А я вас узнал, – улыбнулся Глеб. – Вы некоторое время встречались с одним из моих футболистов, я видел фото в светской хронике.

– Вы тренер?

– Нет, я агент. А вот мой отец когда-то был заслуженным тренером Советского Союза. От него мне передалась любовь к футболу.

– Сами играли?

– Только с пацанами во дворе. Я, видите ли, ботаник. Или алгеброид, как сейчас принято называть таких, как я, заумных чудиков. Меня больше привлекало учение, нежели спорт. Особенно интересовался историей. Но и в математике хорошо разбирался. Поэтому думал, куда поступать после школы: на исторический или математический.

– И что же выбрали?

– Так и не смог этого сделать, поэтому учился на двух факультетах. На одном днем, на другом вечером.

– Выходит, у вас два высших образования?

– Три. Я потом еще юридическое получил. Говорю же вам – алгеброид.

В таком духе они и беседовали. Больше говорил Глеб. И не то чтобы хвастался, а себя рекламировал. Как он потом признался, так хотел произвести на Алису наилучшее впечатление.

чатление, что немного перегнул палку.

С вечеринки они уехали вместе. Причем домой к Глебу. Но не затем, чтобы заняться сексом. Алисе обещали показать редкую коллекцию английских гравюр и напоить английским же чаем, привезенным из Лондона, куда Глеб ездил совсем недавно.

Ее новый знакомый обитал в отличной квартире. Она была просторна, со вкусом обставлена, а из окна открывался изумительный вид на реку. Чай они пили, стоя возле него. Из невесомых фарфоровых чашек. Оказалось, он и их коллекционировал.

– Есть еще что-то, что ты собираешь? – поинтересовалась Алиса. Они перешли на «ты» по дороге.

– Книги по искусству.

– И все?

– Все.

– А как же футболки с автографами знаменитых футболистов? – усмехнулась Алиса. – Я ожидала увидеть на стенах именно их, а не гравюры, на которых изображены английские аристократки.

– Футбол – моя работа, и только. Я занимаюсь ею из-за денег. А они мне нужны. Я человек, склонный к сибаритству.

– К роскоши, удовольствию и праздности?

– Праздность исключим. Я не лентяй. Но люблю все красивое, дорогое, редкое... Удобное, добротное, солидное... Вкусное опять же... – Он хлопнул себя по животу и подмиг-

нул. – Поэтому, когда отец предложил мне попробовать себя в роли спортивного агента одного из своих подопечных, я согласился. Знал – те получают процент. И если я «продам» игрока в хороший клуб, то отлично заработаю.

– Сразу получилось?

– Нет. Пока не набрался нужных знаний (учился на юридическом три года и осваивал английский с немецким) и опыта, еле сводил концы с концами. Зато теперь жаловаться грех. По крайней мере, на материальную сторону жизни.

– А на какую бы ты пожаловался?

– Мне тридцать два, а я, как видишь, не женат. Я тебе больше скажу: у меня нет любимой девушки.

– Почему? Не можешь увлечься всерьез?

– Могу и увлекаюсь.

– Значит, боишься серьезных отношений?

– Стремлюсь именно к ним!

– Быстро разочаровываешься в избраннице и бросаешь?

– Меня бросают, Алиса, не я, – криво усмехнулся Глеб.

– И по какой причине, если не секрет?

– Я только на первый взгляд неплохой вариант: обеспечен, здоров, неглуп, чистоплотен и так далее...

– Забыл добавить – симпатичен.

– Поскромничал. – Лицо Глеба вновь озарила улыбка. Вместе с губами кверху бежали и уголки глаз, и взгляд становился лукавым.

– Так что со вторым взглядом?

– Со мной сложно, а по словам некоторых, невыносимо.

– Ты тиран?

– Боже упаси! Я либерал и никогда не ограничивал права и свободы своих женщин.

– Тогда в чем твоя невыносимость?

– Я крайне занятой человек и очень мобильный. То есть у меня много дел в разных уголках мира. Сегодня в Москве после приятно проведенной ночи завтракаю со своей девушкой, планирую вечер с ней, обещаю сводить в театр, а в выходные познакомиться с ее подругами. Но днем оказывается, что я должен завтра утром кровь из носу быть, скажем, в Осло. Я заказываю билеты, мчусь домой за вещами, потом в аэропорт, лечу, заселяюсь в гостиницу, сплю несколько часов, иду на встречу... И только в обед, когда расслабляюсь за фужером вина, вспоминаю, что не позвонил своей девушке и не предупредил ее о том, что не смогу повести ее в театр, а скорее всего, и с ее подружками познакомиться.

– Да. Это не очень хорошо.

– Согласен. Она делает вывод, что мне на нее плевать, раз я позволяю себе так поступать, потому что для того, чтобы позвонить, нужно каких-то пять минут. Но хуже другое. Когда я возвращаюсь в Москву, то не мчусь к ней и не прошу ее примчаться, я отмываюсь с дороги, отсыпаюсь, читаю, потому что в самолетах делать этого не могу, а потребность в этом имею. Не то чтобы я не соскучился, нет. Просто мне нужна передышка.

– А она опять делает вывод, что тебе на нее наплевать?

– Или что она у меня не одна.

– Хочешь, я тебя удивлю?

– Попробуй.

– У меня примерно та же ситуация. – Она подняла палец. – Примерно! То есть я занятая и мобильная. Поэтому не могу уделить своему мужчине достаточно внимания. Из-за этого...

– Они тебя бросают? В это не поверю!

– Они мне изменяют, и их бросаю я. – Алиса поставила опустевшую чашку на подоконник и сказала: – Мне пора.

Он вызвал Алисе такси, проводил ее до машины и на прощание поцеловал в щеку. Потом, когда у них завязались отношения и дело дошло до откровений, он сказал, что страстно ее желал, но держался в рамках приличия, боясь спугнуть. На втором свидании, состоявшемся спустя несколько дней, вел себя так же по-джентльменски, только прощальный поцелуй был не в щеку, а в губы. Потом она улетела в Швецию, а он – Германию. Созвонились, уже находясь за границей.

– Хочешь, я приеду к тебе? – спросил Глеб.

– Хочу, – просто ответила она.

Он купил билет на самолет, прилетел к ней в Стокгольм. Там, в люксе отеля «Рэдиссон» с видом на гавань, между ними произошла первая близость. В нем же – вторая, третья, пятая, десятая – они остались в Швеции на двое суток, затем поехали в Германию и оттуда вместе вернулись в Москву.

...Алиса выбежала из подъезда и огляделась. У Глеба был «Мерседес-«S-класса» редкого чернильного цвета. В нем сочеталось все то, что он так любил: дороговизна, комфорт и красота.

Увидев машину, она двинулась к ней. Глеб вышел, чтобы открыть перед ней дверь.

– Привет, – поздоровалась с ним Алиса. – Ты, как всегда, галантен.

– А ты, как всегда, прекрасна. – Он поцеловал ее в щеку. – Как ты? В норме?

– Да, все нормально.

– Выглядишь отлично, но я, кажется, повторяюсь.

– Сю считает, что сегодня я похожа на серую мышь.

– О да, она же эксперт по имиджу, – фыркнул Глеб. – Садись скорее, а то замерзнешь, сегодня ветер.

Алиса села. Закрыв за ней дверь, Глеб обошел машину и забрался в салон. После того как он по просьбе Алисы отрастил волосы и сделал хорошую стрижку, выглядеть стал очень привлекательно. Сю даже стала называть его красавчиком, хотя первый раз, как увидела, скорчила разочарованную мину.

– Как твоя поездка? – спросила Алиса.

– Более чем удачно.

– Что это значит?

– То, что в перспективе – крупнейший контракт в моей карьере. Если заключу, то, выражаясь языком трудового за-

конодательства, перейду на легкую работу. Иначе говоря, новых клиентов искать не буду, ограничусь уже имеющимися.

Это было здорово! Потому что пока виделись Алиса с Глебom редко. Если суммировать время, проведенное вместе, то за полгода набегит месяца полтора-два. Впервые за свою взрослую жизнь Алиса страдала из-за разлуки со своим парнем.

У нее было много мужчин. Если бы она взялась считать, то десятую их часть просто не вспомнила бы. С кем-то она уезжала с вечеринки, чтобы провести ночь, а потом больше не встречалась. Кто-то «завоевывал» Алису, заваливая комплиментами, букетами, подарками, а затащив в постель, терял к ней интерес (на заре карьеры такое случалось частенько – богатые пресыщенные дяди коллекционировали юных моделей). Кого-то она соблазняла, чтобы получить контракт или просто из любопытства: так ли мужчина, играющий героюв-любовников, хорош в сексе, как его экранные герои? В таком вольном поведении не было ничего необычного. Все коллеги Алисы вели себя примерно так же. Кто-то лучше, кто-то хуже. Лучше те, у кого имелся серьезный покровитель, и они опасались его прогневать, хуже – кто пил или принимал наркотики, такие могли и в оргии поучаствовать.

Года в двадцать два Алиса наигралась с мужским калейдоскопом и решила воздерживаться, пока не встретится тот единственный, которому не захочется изменять. В поисках его прошло полгода. Не выдержав, она переспала со своим

тренером по фитнесу. Но, как потом оказалось, именно он оказался ТЕМ САМЫМ. Отношения продлились почти год, но закончились по той причине, которую она озвучила, разговаривая с Глебом. После инструктора был начинающий музыкант, следом – банкир, затем – тот самый футболист, с которым ее любили фотографировать для светской хроники. Во всех этих мужчин она влюблялась, но уже в начале отношений Алиса знала, они долго не продлятся. Она даже стала подумывать о том, что сама себя программирует на фиаско. Но когда познакомилась с Глебом, поняла: это не так. Просто ТЕ были НЕ ТЕМИ. И она в глубине души это понимала. А Глеб...

Он, похоже, ее мужчина! ТОТ САМЫЙ.

Ей нравилось в нем все, но особенно – ум. Именно он возбуждал ее больше всего. Сама Алиса хоть и была неглупа, особой эрудицией не могла похвастаться. С Глебом она начала больше читать, интересоваться историей и искусством, да не современным, в котором воткнутая в унитаз ржавая труба считается скульптурой, а классическим. В странах, где бывала, раньше она носилась по бутикам, теперь ходила по музеям. А возвращаясь, привозила в подарок своему мужчине не прикольные боксеры или модный одеколон, а интересное панно, старинную книгу, миниатюру с видом, чашку для коллекции. Она и сама стала собирать фарфор и стекло. Увидев как-то в пражском магазинчике, затерявшемся на узкой улочке Старого города, очаровательную свинку-копилку, не

смогла себе отказать в удовольствии ее приобрести. Там же ей приглянулся котик из богемского стекла. Его она тоже купила. С этих двух фигурок началась ее скромная коллекция.

– Я привез тебе подарочек, – сказал Глеб. – Открой бардачок.

Алиса заглянула в него и увидела коробочку с бантиком. Открыв ее, ахнула:

– Какой зайчик дивный! – Она достала фигурку и поставила ее на ладонь. – Сверкает, как бриллиантовый!

– Он хрустальный. Между прочим, старинная работа. Сделан в конце девятнадцатого века. Но есть небольшой дефект.

– Этот? – спросила Алиса, ковырнув пальцем небольшой скол на макушке зайца.

– Да, это отбившаяся дужка. Когда-то это была елочная игрушка. Якобы украшавшая рождественское дерево самого канцлера.

– Чудесный подарок, спасибо огромное!

Она вернула зайчика в коробку и убрала в рюкзак.

– Можно вопрос? – обратился к ней Глеб.

– Конечно.

– Если бы я не позвонил тебе ночью, ты бы сама сделала это?

– Да, – растерянно ответила Алиса. – Мы с тобой не на той стадии отношений, чтоб я считала чем-то зазорным первой звонить своему парню.

– Я не о том. Я позвонил тебе и услышал плач. Ты сказала, что умерла Коко и ты никак не можешь прийти в себя, лежишь в кровати уже полтора часа и не можешь уснуть.

– Так и было. А в чем дело?

– Я – твой мужчина, так?

– Так.

– Любимый?

– Ты хочешь моего признания сейчас, я не пойму? Давно не слышал? Хорошо, мне нетрудно повторить: я тебя люблю.

– Тогда почему ты не звонишь мне, когда у тебя горе? Не делишься со мной своей болью? – Он говорил спокойно, впрочем, как всегда, но Алиса видела – он взволнован. – Мне кажется, это естественно – желать, чтобы любимый мужчина утешил, а не хозяйка твоего агентства, которой ты позвонила перед тем, как лечь.

– Она была лучшей подругой Коко. Я связалась с ней по этому. – Алиса протянула руку и накрыла ею ладонь Глеба, лежащую на рычаге переключения скоростей. – Не принимай все так близко к сердцу, хорошо?

– Я хочу жениться на тебе, Алиса, – тихо сказал Глеб. – Причем давно. Наверное, с той нашей первой ночи в Стокгольме. Как проснулся с тобой поутру, прижал, податливую, к себе, зарылся носом в твои волосы, почувствовал телом твое тепло, поймал себя на мысли, что хочу каждое утро, изо дня в день, из года в год пробуждаться с тобой. Уже тогда я чуть было не выпалил – выходи за меня. Но я понимал: на-

хожусь я в эйфории влюбленности, и прикусил язык. Потом я часто это делал. Желал позвать тебя замуж, но в последний момент воздерживался от предложения руки и сердца. И знаешь, почему?

– Считал, что мы недостаточно узнали друг друга?

– Вовсе нет! Я боялся отказа. Если бы ты ответила «нет», я бы пережил, конечно, но... Это все испортило бы. Как скол... на макушке твоего хрустального зайца. Он вроде бы и не заметен особо, и фигурку не портит, а все равно... изъян.

– Почему ты думаешь, что я скажу «нет»?

– Ты неправильно выразилась. Я не уверен, что ты ответишь «да». – И повернув голову, посмотрел на нее вопрошающе. Как бы побуждая ее его успокоить. Заверить в том, что ответ будет положительным. Но Алиса, несмотря на то что не колеблясь дала бы согласие на брак, уклончиво проговорила:

– Пока не попробуешь – не узнаешь.

Глеб скривил рот в унылой гримасе. Когда он так делал, Алиса дразнила его грустным смайликом. Но сейчас она была не в том настроении, чтобы шутить.

– Вот черт, – выругался Глеб, глянув на дорогу впереди: она была забита машинами. – Опять пробка. А ехать осталось всего ничего.

– Давай я выйду и добегу до дома Коко ножками. Тут напрямик метров пятьсот.

– Я хочу сопроводить тебя.

– Не стоит. Ты же говорил – у тебя встреча в одиннадцать.

– Да, но сейчас десять. Я успею.

– Не успеешь. Пока тут простоим, пока во двор заедешь, уже и обратно надо... по тем же пробкам. Да и мне лучше одной там побыть. Спокойно выбрать наряд. А зная, что ты спешишь, я буду дергаться.

– Ладно, понял. Тогда до вечера.

– Я позвоню, – бросила она и, послав Глебу воздушный поцелуй, выбралась из авто.

До дома Коко она дошла минут за пять. Открыла дверь, вошла в подъезд. За стойкой консьержа сидел не вчерашний Андрей, а Лаврентий Аскольдович, работающий в доме с таких давних времен, что, когда Коко въехала в него, он уже был тут лифтером.

– Здравствуйте, Лаврентий Аскольдович, – поприветствовала старика Алиса. – Как ваше здоровье?

– Не жалуюсь, спасибо, – с достоинством ответил тот. Самое поразительное, что он не обманывал. В свои восемьдесят консьерж был бодрее многих сорокалетних. И конечно же, бдительнее своих молодых коллег. Поэтому жильцы искренне желали ему богатырского здоровья и долгих лет.

Алиса ждала, что старик начнет расспрашивать ее о смерти Коко, но тот молчал. То ли уже все узнал, то ли проявил деликатность.

Поднявшись на лифте и выйдя из него, Алиса увидела, что дверь в квартиру Коко опечатана. Но это ее не остановило. Аккуратно разорвав бумажную полоску, она отперла замок

и вошла.

В прихожей она по привычке хотела разуться, но вовремя остановилась – пол весь затоптан. Только сбросила с плеча рюкзак и расстегнула куртку. Зябко ежась, Алиса прошла в кухню, поставила чайник. На улице оказалось очень прохладно, и пока она шла к дому, продрогла. На столе громоздились грязные чашки, но их Алиса решила помыть позже. Сейчас надо заняться тем, за чем она явилась, то есть подбором погребального платья.

Одежды у Коко было немного. А все потому, что она была консервативна в ее выборе. Любила определенные фасоны, материалы, цвета. Не экспериментировала в угоду моде. Не снисходила до поточных вещей. В ее гардеробе было много винтажных вещей, попадались просто «жемчужины» от Диора и Живанши. В них она блистала в молодости, а благодаря тому, что ее фигура с годами не утратила стройности, Коко иногда надевала их и в зрелые годы. Алиса решила выбрать для похорон одно из них. Осталось решить, какое.

Открыв шкаф, Алиса пробежала глазами по вешалкам. Сняла две. Платья – бордовое с кружевным воротником и черное с атласной стойкой – положила на кровать и стала их рассматривать. Никаких указаний по поводу того, в чем ее хоронить, Коко не давала. И не имела сумки «на смерть», как, например, бабушка Алисы. Та лет за десять до своей кончины подготовила все, в чем бы хотела лежать в гробу.

...Вдруг из прихожей донесся скрип. Алиса напряглась.

Она не закрыла двери? Нет, такого быть не может. Замок автоматический и захлопывается сам.

– Кто здесь? – услышала она окрик.

Полиция?

– Отвечайте, или я звоню «02».

Да кто это, черт возьми?

– Это я звоню «02», – крикнула Алиса. – Уже набрала!

Тут дверь в спальню распахнулась, и на пороге возник высокий, широкоплечий мужчина в спортивных штанах, футболке и... тапках!

– Вы кто? – спросила Алиса, недоуменно уставившись на незнакомца.

– Я друг Коко. Зовут меня Данила, Дэн.

– Друг? Коко? – Она фыркнула. – Я знаю всех ее близких, и среди них нет никакого Дэна.

– Значит, не всех, – буркнул он.

– И как вы попали в квартиру?

– Вы дверь не закрыли.

– Серьезно?

– Замок в последнее время заедал и не захлопывался с первого раза.

– А вы что же... Вот так... по улице? – и ткнула пальцем в тапки.

– Я живу в этом же подъезде. Спускался к почтовому ящику, увидел, что печать сорвана, а дверь неплотно закрыта, вот и вошел.

– И давно вы с Коко дружите?

– Там шипит что-то, – сказал он, указав себе за спину.

– Чайник, – вспомнила Алиса и заторопилась в кухню.

Дэн последовал за ней. – Вам заварить? – спросила у него Алиса.

– Я буду кофе.

Она открыла навесной ящик и достала из него турку и баночку с арабикой.

– Я растворимый люблю.

– Но Коко терпеть его не может, поэтому не держит...

Дэн молча подошел к ящику и открыл другое его отделение. В нем оказалась банка с «Якобсом».

– Как вы тут хорошо ориентируетесь, – поразились Алиса. – Часто бывали в гостях?

– Да.

– Почему тогда я вас ни разу не видела? – Он пожал своими мощными плечами. – Более того, я о вас и не слышала.

– А я о вас – частенько. Вы ведь Алиса, так?

– Совершенно верно.

– Коко очень вас любила. – Он взял одну из грязных чашек, сполоснул, сыпанул в нее кофе. – Вы зачем тут?

– Выбираю платье для похорон.

– Из тех двух, что лежат на кровати? – Алиса кивнула. – Мне кажется, бордовое лучше подойдет.

Алиса и сама к тому склонялась. Бордовый – благородный цвет. Царственный. Викторианский. И это символично. Ведь

они хоронят королеву... Викторию.

– Как вы познакомились? – спросила Алиса, усевшись на табурет с чашкой.

– Я только переехал в этот дом.

– И давно вы купили тут квартиру?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.